

Пианино из Иерусалима

Автор:

Анна Малышева

Пианино из Иерусалима

Анна Витальевна Малышева

Задержи дыхание. Проза Анны Малышевой

Александра Корзухина – художница, реставратор и продавец антиквариата – получает новый заказ. Задание на первый взгляд не сложное – ей всего лишь требуется отправить из Израиля в Москву старое, ничем не примечательное пианино. Но Александра и представить себе не может, в какую сложную семейную драму ей придется вникнуть...

Анна Малышева

Пианино из Иерусалима

Глава 1

Александра снова нажала серую западавшую кнопку звонка, прислушиваясь к долгому вибрирующему звуку, замирающему в глубине дома. Отступила, оглядывая дверь.

На Знаменке, в путанице переулков, в тесноте дворов еще остались жилые двухэтажные особняки времен Гоголя. Банки, рестораны, антикварные салоны, загадочные фирмы, о которых нельзя было составить представления по надписям на золотых табличках, – все это не первый десяток лет вытесняло из

домов прежних обитателей. Недвижимость здесь была баснословно дорогой. Коренных жителей района и их наследников постоянно искушали предложениями – пугающе выгодными или откровенно подозрительными. И огромные старинные коммуналки, зажатые между Знаменкой, Волхонкой и Гоголевским бульваром, постепенно вымирали, превращаясь в частные музеи, офисы, роскошные квартиры, где, казалось, никто не жил. Освеженные, выложенные фасады, зеркальные окна, дорогие машины вдоль тротуаров – все это придавало району официальный, натянутый вид. С подоконников исчезли раскормленные коты и горшки с фиалками, стопки книг, начатое вязанье, пронзенное спицами, подносы с посудой – все приметы тихой, тесной жизни старинного района, очертаниями похожего на растянутую шаль.

И все-таки здесь еще жили. В глубине двора, который только что пересекла Александра, стоял приземистый особняк в ложноклассическом стиле, выкрашенный в скучный желтый цвет. Дом был выстроен не в два этажа, как соседние, а в полтора – цокольный этаж венчался мезонином, по фасаду которого были выведены каменные перила и балясины фальшивого балкона. Балкона как такового не было, перила и балясины вплотную примыкали к стене, между ними не протиснулся бы и голубь. Два окна мезонина глубоко уходили под двускатную крышу, как подслеповатые глаза, тронутые радужной катарактой, – под низко надвинутый платок. Весь дом, типичный образец городской застройки первой половины девятнадцатого века, хранил замкнутый, недоверчивый вид. Парадное крыльцо было заперто, деревянная двустворчатая дверь напоминала тесно сжатые скупые губы. Стучаться в эту дверь было бесполезно, как помнила Александра, уже бывавшая здесь дважды. Обитатели дома попадали вовнутрь через приземистый флигель, прилепившийся к задам особняка. Рядом с массивной железной дверью, поставленной в девяностые годы прошлого века, было прикручено несколько звонков. Работал, правда, один, самый верхний.

Александра снова вдавила кнопку в гнездо и, отступив от двери на шаг, оглядела темные окна флигеля. С жестяных отливов медленно капала талая вода – утром выпал снег, но к полудню потеплело. Неверный декабрьский свет таял над Москвой, в жемчужных облаках едва угадывалось солнце. Рыхлый влажный воздух забивал горло. Александра закашлялась, и, словно дразня ее, в разросшихся голых кустах сирени каркнула взъерошенная ворона.

Встреча была назначена на два часа пополудни. Художница достала из кармана куртки часы с оторванным ремешком – уже не первый год она собиралась купить

новый ремешок, но, проходя мимо очередной часовой мастерской, никогда не вспоминала об этом. «Два часа десять минут». Похоже, ее никто не ждал, о ней забыли. Но Илана – так звали обительницу особняка – производила впечатление дамы чрезвычайно собранной и энергичной. Ей никак нельзя было дать ее семидесяти с лишним лет, и забывчивостью эта подтянутая, ухоженная женщина явно не страдала.

Александра достала из сумки телефон и набрала номер. Пока шло соединение, художница медленно прохаживалась вдоль заднего фасада особняка, рассматривая треугольный двор, притиснутый к зданиям, выходящим на бульвар. Двор был перерезан пополам шлагбаумом. С той стороны шлагбаума, где бродила Александра, царил старомодное запустение, некогда придававшее своеобразное очарование этим дворам. Под кустом сирени пряталась черная покосившаяся скамейка. Бурая опавшая листва с пятнами не растаявшего еще снега источала тревожный горький аромат. У стены флигеля, на штабеле мокрых досок, сидел упитанный серый кот, наблюдавший за Александрой с выражением настороженного равнодушия.

По другую сторону шлагбаума двор выглядел иначе. Он был тесно уставлен машинами, среди которых преобладали черные. Рядом с подворотней, выходящей на бульвар, в будке виднелся охранник, неподвижный, как манекен. Сощурившись, Александра различила знак на въезде – стоянка только для служебного транспорта.

«Ворона, кот, охранник, – она нажала кнопку отбоя и спрятала телефон. На вызов так никто и не ответил. – Не густо! Похоже, придется уйти ни с чем».

Ей очень мешал сверток под мышкой, его то и дело приходилось поправлять. Под несколькими слоями оберточной бумаги скрывалась картина, которую она принесла заказчице. Если бы не картина, Александра просто отправилась бы на другой конец Москвы, к коллекционеру, который давно заманивал ее в гости. Тот желал кое-что продать, кое-что обменять, и в целом намечался неплохой заказ. Но везти картину в метро Александре вовсе не улыбалось. Она в последний раз поднялась на скрипнувшее крыльцо и нажала кнопку звонка.

– Вот и верь людям, – заметила она вслух, не дождавшись ответа.

Ворона прочистила горло и хрипло согласилась с ее высказыванием. Голос многоопытной птицы был исполнен сарказма. Кот, сидевший на досках, сощурил зеленые глаза. Он демонстративно не замечал вороны, хотя та сидела в паре шагов от него. Эти двое явно были знакомы не первый день.

– Ну что ж, граждане, тогда я пойду, – вздохнула Александра.

Словно разбуженный ее голосом, кот внезапно очнулся, выгнул спину высоким горбом, содрогаясь всем телом... Яростно поточив когти о доски, спрыгнув на землю и исчез за углом. В окне, под которым он сидел, что-то промелькнуло. Через несколько секунд послышалось щелканье замка, и дверь открылась.

– Ох, это вы! – приветствовала Александру хозяйка, отступая вглубь тесных сеней. – А я вас в окно увидела! Вы звонили, да? Я была наверху, там звонка не слышно. Хорошо, что вы не ушли сразу! Бывает так неприятно, если приходит курьер, например, а я не успеваю открыть... Но Генриху нездоровится, сиделка еще не пришла, и я все время бегаю наверх...

Александра переступила порог, вдохнула сырой кисловатый воздух – во флигеле, служившем прихожей, казалось холоднее, чем на улице. Зато в большой комнате, куда она вошла следом за хозяйкой, стояло ровное уютное тепло. Старомодно пахло гвоздичным маслом и сухой лавандой. В таком особняке можно было ожидать увидеть соответствующую обстановку – доставшуюся по наследству или купленную в антикварном салоне. Но мебель здесь стояла относительно новая – пухлый абрикосовый диван, такие же кресла, дорогой книжный шкаф, большой плоский телевизор на стеклянной тумбе...

– Вы принесли картину? – Илана подошла к обеденному столу, стоявшему между двух окон, быстро убрала со скатерти чашку с блюдцем, блокнот и телефон. – Положите сюда.

Александра устроила сверток на столе и осторожно освободила картину от оберточной бумаги. Хозяйка тем временем задернула плотные лиловые портьеры на обоих окнах. Включила верхний свет – потолки в особняке были невысокие, вспыхнувшая хрустальная люстра выглядела громоздко. Пожилая дама приблизилась к столу. Она то зябко натягивала на запястья рукава тонкого джемпера, то без всякой необходимости поправляла аккуратно уложенные седые волосы, отливавшие голубизной в свете люстры. Изящные сухие пальцы

без колец были в непрерывном движении. Женщина волновалась. Ее раскосые голубые глаза удивительно яркого василькового оттенка сужались и расширялись, художница слышала ее участившееся дыхание.

Александра, немного озадаченная взбудораженным состоянием хозяйки, улыбнулась:

– Теперь ваша картина выглядит отлично, могу сказать без ложной скромности!

Она сняла последний слой упаковочной бумаги, и в свете люстры парадно блеснул свежий лаковый слой на красочном покрытии. Обновленный реставрацией холст был перетянут на новый подрамник – старый, неумело сделанный, перекосился, и холст от этого местами провис, пошел пузырями. Простенькая дешевая рамка раскололась, когда Александра освобождала картину для работы. Обломки художница принесла в отдельном свертке, в сумке.

– Если вы хотите заказать багет, то я могу рекомендовать отличного мастера, у него немецкий и американский материал, и мне он делает большие скидки...

Александра проговорила это, не сводя глаз с полотна. Не получив ответа, она удивленно повернула голову. Хозяйка даже не подумала подойти ближе к столу. Напротив, она отвернулась и подошла к правому окну. Чуть отдернув портьеру, Илана смотрела во двор. Даже ее узкая спина выражала тревогу.

– Что-то случилось? – обеспокоилась Александра.

– Нет-нет, все в порядке. – Илана задернула портьеру, поправила складки. Она все время что-то разглаживала, расправляла, мимоходом дотрагиваясь до предметов, словно пытаясь убедиться в их реальном присутствии.

– Все хорошо! – Хозяйка приблизилась и взглянула, наконец, на полотно. Ноздри напряглись и на миг застыли, взгляд скользнул по картине и поднялся выше, остановившись на пустом участке стены, оклеенной бархатистыми обоями кремового тона. Казалось, Илана считает завитки на обоях.

– Все хорошо, – повторила она. На картину женщина больше не смотрела. – Могу я предложить вам кофе?

– Я... Собственно... – Александра была слегка обескуражена и не торопилась принимать приглашение на кофе. Она была удовлетворена сделанной работой и не понимала, что вызвало странную реакцию клиентки. – Я должна быть еще в одном месте, и... Вы действительно довольны?

Илана на миг прижала ладони к лицу, затем тряхнула головой и глубоко вздохнула, словно просыпаясь:

– Эта картина... Столько воспоминаний! Не торопитесь, прошу вас, уделите мне еще немного времени. Вы очень хорошо все сделали. Но мне необходимо с вами поговорить...

Хозяйка усадила ее в кресло и скрылась в коридоре. Александра, утонув в пухлых подушках, навевавших ленивую истому, обводила взглядом комнату. Она уже была здесь два раза, полгода назад, в начале июня. Илана передала ей тогда заказ на реставрацию – небольшой натюрморт, купленный, по ее словам, во Франции. Датировка – вторая половина девятнадцатого века – была приблизительной, подпись художника – неразборчивой, само полотно представляло интерес лишь как деталь интерьера, не больше. Александра была рада каждому заказу. Она забрала картину и вскоре вернула ее хозяйке – освеженную, перетянутую, отмытую... И казавшуюся еще более заурядной, словно с трещинками на лаке и желтизной полотно лишилось единственной индивидуальности. Илана осталась довольна и работой, и ценой и обещала не забывать Александру.

Свое обещание она сдержала. Две недели назад, в конце ноября, к Александре в мастерскую явился незнакомец. Фил – так лаконично представился жизнерадостный молодой человек – был внучатым племянником Иланы. Сам он родился и жил в Израиле, в Москве бывал наездами, в гостях. Двоюродная бабушка еще летом презентовала ему картину – семейную реликвию, как объяснил Фил. Картина нуждалась в косметической реставрации, полотну было около шестидесяти лет. Фил передал Александре картину, аванс за реставрацию и список телефонов, по которым Александра могла звонить, если возникнут вопросы. Молодой человек торопился в аэропорт, и у художницы осталось впечатление, что судьба семейной реликвии не очень его занимает. Фил, скорее, был рад, что переложил заботы о картине на чьи-то плечи. Один телефон в

списке принадлежал ему самому – мобильный израильский номер. Два других, московских – мобильный и стационарный, – его двоюродной бабушке.

Александра позвонила Илане на другой же день. Пожилая дама подтвердила все, что рассказал Фил: она подарила двоюродному внуку полотно, много лет хранившееся в ее семье. Рама, когда-то сделанная кустарным способом, была в неважном состоянии, разваливалась, стоило к ней прикоснуться. Однажды картина попросту упала со стены, так как крюк выскочил из треснувшего багета. С тех пор ее хранили в шкафу, что не пошло холсту на пользу. Илана попросила освежить полотно, привести его в порядок – она хотела, чтобы внук привез картину в Израиль во всей красе. Обеспокоенно спросила, достаточен ли аванс? Сумма была не только достаточной – она показалась Александре даже несколько чрезмерной, учитывая то, что картина особой художественной ценности не имела. Художница выполнила работу и вновь созвонилась с Иланой.

А заказчица вовсе не стремилась увидеть результат – такое впечатление складывалось у Александры. В глубине коридора тихо позвякивала посуда, слышался шум открываемой воды. Вскоре по маленькому особняку распространился крепкий аромат свежесваренного кофе. Александра прикрыла отяжелевшие веки – оттепель навевала на нее сонную одурь. Правый ботинок промок – она с сожалением подумала о том, что придется искать другие зимние ботинки, и срочно, иначе не миновать простуды. На миг комнату заволокло плотным туманом, в ушах туго зазвенело. Александра резко вздернула голову, упавшую было на грудь. «Неужели заболеваю?»

На пороге комнаты появилась Илана, катившая перед собой маленький сервировочный столик. Александра вскочила, но хозяйка настойчивым жестом усадила ее обратно в кресло:

– Позвольте уж мне за вами поухаживать! У меня не часто бывают гости. Вам со сливками? Сколько сахара?

Сливки оказались такими жирными, что на поверхности кофе поплыли желтые кружки масла. Сделав глоток, Александра почувствовала, как сонное оцепенение отступает. Илана тоже взяла чашку, но пить не стала – устроившись в кресле напротив гостьи, она держала чашку в одной руке, блюдце в другой, словно позируя. Поза была манерной и настороженной, как у кошки, застигнутой в разгар умывания. Во взгляде Иланы также было нечто кошачье – непроницаемое, отстраненное от действительности. «Не похоже, чтобы она

очень страдала без общения!» – заметила про себя Александра, вновь делая глоток. Похоже, хозяйка о ней забыла, о чем-то замечтавшись.

Резкий стук в потолок заставил Александру вздрогнуть. Ее чашка была почти пуста, иначе она облилась бы кофе. Илана спокойно взглянула на сверкающую люстру:

– Это Генрих. В такие скверные дни, когда он не может ходить, он стучит в пол палкой, чтобы я поднялась. Одному сидеть невесело, конечно. В три часа придет сиделка. Еще чашечку?

– Спасибо, но я действительно не могу задерживаться надолго. – Александра поставила чашку на столик. – Вы хотели мне что-то рассказать?

Илана откинулась на спинку кресла. Ее голубые глаза сузились, и она вновь напомнила Александре кошку, погруженную в свои грезы – не столь уж безобидные, быть может.

– Не то чтобы хотела... – протянула она. – Должна рассказать. Это разные вещи. Раз уж мы с вами взялись за дело, нужно довести его до конца, не так ли?

Александра, сделавшая вывод, что речь идет о картине, кивнула.

– Фил сказал вам, что заказ включает в себя не только реставрацию?

– Да, он упомянул, что нужно восстановить кое-какие семейные события... Если я правильно поняла.

Илана тихо засмеялась.

– Если он правильно понял, – пожилая дама с нажимом произнесла слово «он». – Нынешние молодые люди на удивление нелюбопытны. Им кажется, что они и так все на свете знают. А если не знают, в два счета найдут это в своем телефоне. И когда найдут там что-то, то считают эту чепуху последней истиной...

Она несколько раз кивнула, словно подтверждая свои слова:

– Просто невероятно, насколько им лень думать... Вот, взять Филя – он прекрасный парень, добрый, сердечный, с хорошим характером. И голова у него не пустая. Но ему бесполезно поручать это дело. Фил недавно женился. Конечно, его сейчас мало волнует семейное прошлое. Он творит семейное будущее!

Илана вновь кивнула, свет люстры скользнул по ее серебряным пышным волосам.

– А вот меня семейная история волнует. У меня нет ничего, кроме этой истории. Я – ее часть. И вполне еще живая часть! Фил считает меня древней старухой с причудами. Но не так уж я стара, чтобы впасть в детство.

Сверху опять донесся стук – резкий, нетерпеливый. Илана досадливо махнула рукой, взглянула на часы – маленькие, золотые, похожие на шмеля, присевшего на запястье:

– Он всегда нервничает, когда должна прийти Маша. Девушка учится, иногда может запоздать. Она не очень пунктуальна, но мы за нее держимся. Генрих ей доверяет, неизвестно, по какой причине.

Снова тихий смех. Оборвав его, Илана внезапно сделалась очень серьезной и добавила:

– Но давайте к делу. Признаюсь, я рассчитывала на помощь Филя и разыскала его в Израиле именно поэтому. Написала ему, пригласила в гости, он приехал... И сразу же стало ясно, как мало все это его интересует. Я подарила ему картину, вот эту самую, – кивок в сторону стола. – Ее ценность невелика, конечно. Автор – любитель. Но это семейная реликвия, очень важная. Мне с трудом удалось ему это втолковать. Семейной историей он и вообще отказался заниматься. Я дала ему все необходимые сведения, рассказала, с кем он должен встретиться в Израиле... Но последовали отговорки – нет времени, семья, работа... Ему все это чуждо. Милый молодой человек, но...

Илана вздохнула:

– Он годится разве что в качестве курьера. Я решила найти другого человека для своего плана. И вспомнила о вас. Вы мне еще летом понравились, скажу откровенно. В вас есть что-то... Живое.

В потолок снова застучали. Женщина досадливо поерзала в кресле и вновь взглянула на часы:

– К сожалению, я не сохранила ваш телефон, но вспомнила адрес. Я послала Фила отнести вам картину на реставрацию и пригласить для последующего разговора. Начать... Непросто.

Илана поднялась с кресла, подошла к окну, слегка отодвинула портьеру, вглядываясь во двор.

– Маша идет, – сказала она. – Подождите минутку, я ее впущу.

Оставшись в комнате одна, Александра тоже встала и подошла к окну. Она успела увидеть молодую девушку, быстрым шагом пересекающую двор. Та шла со стороны Волхонки, на ходу расстегивая молнию короткой куртки. В ее пушистых светлых волосах играло солнце. Оттепель победила – облака разошлись, снег почти растаял, с карнизов бежала резвая талая вода. Девушка скрылась за углом особняка. Спустя несколько секунд в сенях раздались приглушенные голоса.

Александра к ним не прислушивалась. Отдернув портьеру до конца, она вновь придирчиво оглядела картину, знакомую ей, как все полотна, над которыми она работала, до последних мелочей.

Картина была небольшого размера – сорок на пятьдесят сантиметров. Александра называла этот размер «чемоданным» – картины такого формата легко влезали в чемодан, и потому любители живописи часто привозили их из-за границы в качестве добычи с блошиных рынков, из антикварных салонов. С датировкой вопросов не возникло – когда художница, получив картину от Фила, позвонила Илане, чтобы задать несколько вопросов относительно реставрации, та сразу сказала ей, что полотно написано в шестьдесят третьем году. «В одна тысяча девятьсот шестьдесят третьем!» – шутливо уточнила тогда Илана. Имени автора она не назвала. Да и нужды не было – картину написал любитель, не бесталанный, но не обремененный академическим образованием. Неизвестный художник рабски следовал природе, мучительно робко копируя действительность. Полотно изобиловало мелкими деталями, как произведения малых голландцев, которые можно изучать часами, вооружившись лупой и совершая все новые открытия.

«Автор наверняка пользовался лупой, выписывая детали, – Александра оглядывала картину. – Хотя можно допустить, что у художника было исключительно острое зрение... Но все же нет. Это была бы очень редкая аномалия. Мне вот пришлось работать с лупой, как и ему, много лет назад...»

Картина была ориентирована вертикально. Художник изобразил комнату, небольшую, изрядно загроможденную мебелью. Мебель была старая, массивная, судя по топорному виду – кустарного производства. Белые стены, серый плиточный пол. В неуклюжем книжном шкафу с прогнувшимися полками – ряды книг, на стенах – несколько старых фотографий, небольшое зеркало. Вопрос перспективы был решен так же, как его решали во времена Возрождения – в задней стене располагалось окно, в котором виднелась часть улицы, – это и придавало картине условную глубину. Оконный проем, углы комнаты, элементы мебели – все было тщательно вычерчено и выверено, явно с помощью линейки и транспортира. Александра обратила внимание при реставрации, что многие линии в картине были проведены явно в ущерб достоверности.

Действительность редко бывает настолько симметричной. В центре комнаты находился круглый стол. Расположенные на нем предметы – кувшин с водой, раскрытый журнал, чайная ложка, камертон – были направлены в сторону оконного проема совершенно одинаковым образом, словно их нарисовали вдоль косых параллельных линий, проведенных с помощью рейсшины. Художник всеми силами пытался добиться эффекта глубины пространства.

Самых больших трудов ему стоило, безусловно, пианино. Инструмент, задвинутый в угол комнаты, был изображен с огромной тщательностью. Сняв при реставрации пожелтевший слой лака, уничтожив грибок и промыв красочный слой, Александра различила множество мельчайших деталей: глубокие щербины на полированном дереве, название фирмы, выведенное бронзовой краской над открытой крышкой – «Steinway & Sons», нотные знаки на страницах альбома, установленного на пюпитре.

На круглом табурете перед пианино сидела молодая девушка. Она, безусловно, и являлась центром картины, хотя портретом это назвать было невозможно – девушка отвернулась от зрителя к окну, словно что-то вдруг привлекло ее внимание на улице. Художник изобразил ее затылок с вьющимися пшеничными волосами и часть скулы, напряженно изогнутую тонкую шею. Руки девушки лежали на клавишах. Легкое летнее платье с короткими рукавами, белое в синий цветочек, босые ноги – правая ступня слегка нажимала педаль, левая касалась плиточного пола лишь кончиками пальцев – создавалось впечатление,

что девушка собирается встать. Ее поза, одновременно статичная и динамичная, была схвачена очень живо. «Такое ощущение, что автор вдруг забыл о своих линейках и транспортирах. Можно предположить, что фигуру рисовал другой человек. Как на знаменитой картине Левитана «Осенний день. Сокольники» – фигуру женщины в трауре написал его друг по училищу, Николай Чехов, брат писателя... И вообще, девушка здесь решена, скорее, в импрессионистическом ключе – художник вдруг начал «видеть» свет и цвет, мазок стал дерзким. Интересно бы узнать, права я или нет...»

Наверху слышались шаги и голоса. Скрипела передвигаемая мебель. Раздался молодой смех, показавшийся в теплой духоте старого дома совершенно неуместным. Через несколько секунд завизжали рассохшиеся ступени лестницы, и в комнату вернулась хозяйка.

– Итак, – едва переступив порог, Илана заговорила напористо, словно приняв, наконец, сложное решение. – Вкратце дело сводится вот к чему: мы хотим вам поручить доставить эту картину в Израиль, передать лицу, которое мы укажем, и взамен привезти в Москву пианино.

Она указала в сторону лежавшей на столе картины и уточнила:

– Вот это пианино.

Александра отрицательно покачала головой:

– Извините, но я не соглашусь. Объясню – через неделю очень важный для меня аукцион, я давно к нему готовилась, и заказчик уже частично оплатил мое участие.

Илана вздернула плечи:

– Через неделю? За неделю вы прекрасно все успеете. Даже быстрее справитесь. Виза в Израиль не нужна. Загранпаспорт у вас в порядке? Ну и все, берете билет и летите, хоть сегодня же вечером.

– Но...

– Что вас смущает? – продолжала Илана, прохаживаясь по комнате, от стены к стене, резко поворачиваясь на ходу. Она явно была взбудоражена. – Мы заплатим вперед, и заплатим очень хорошо. Естественно, дорога и все расходы за наш счет. Вы что, боитесь перевозить картину?

– Нет, конечно. – Александра покачала головой. – Мне часто случается перевозить через границу предметы искусства, это не проблема. Правда, нужно оформить разрешение, но у меня свои каналы. К тому же эта картина...

Она запнулась. Илана понимающе подняла аккуратно подведенные тонкие брови и закончила фразу за нее:

– Не представляет художественной ценности, так?

– Не является национальным достоянием, – нерешительно улыбнулась Александра. – О ценности можно спорить.

– Вы должны повторить это Генриху, – после краткой паузы проговорила Илана. Ее взгляд смягчился. – Ему будет приятно услышать такие слова. Он – автор картины.

Александра издала короткое восклицание и кивнула:

– В таком случае перевозка еще больше упрощается. Автор даст разрешение на вывоз.

– Нет, не даст, – отрезала Илана. – Генрих считает мою идею с отправкой картины авантюрой и участвовать ни в чем не будет.

– Но... – Александра окончательно растерялась. – Значит, автор возражает?

– Автор может возражать, сколько ему угодно. – Илана подошла к столу и мельком оглядела полотно. – Картина моя. Точнее, уже не моя, я передарила ее Филу. Полотно обязательно должно попасть в Израиль, а Фил придумывает разные предлоги, чтобы не брать его с собой. В искусстве он не разбирается, боится, что будут проблемы. Рассказывает что-то про таможеню в Тель-Авиве... Словом...

Она энергично растерла сухие ладони:

– Мы заплатим, а вы сделаете! Это займет пару дней. Пианино тоже не имеет никакой ценности, если вас это беспокоит. Вы просто отправите его в Москву.

Александра собиралась снова ответить отрицательно – исчезнуть из города накануне важного аукциона ей совсем не улыбалось. Но она осеклась, не начав фразы – Илана открыла дверцу книжного шкафа. Достала синий пластиковый конверт, застегнутый на кнопку, протянула его художнице:

– Здесь все документы, которые понадобятся. Я приблизительно узнала стоимость транспортировки пианино. Есть фирма, которая перевезет его от двери до двери за три тысячи долларов. Отправлять из Хайфы, морским путем. Отель, билеты, прочие возможные расходы... И ваш гонорар, само собой. Из расчета тысяча долларов в сутки. Все здесь.

– Тысяча долларов в сутки? – медленно повторила Александра.

– Мне показалось, что я где-то слышала такую цифру. – Илана с беспокойством следила за изменившимся лицом гостьи. – Я предложила слишком мало?

– Слишком много, – вырвалось у Александры. Она тряхнула головой, взъерошила волосы, нервно рассмеялась. – Мне просто совестно брать у вас такие деньги за... В общем-то простое поручение. Да еще попасть из зимы в лето, посмотреть на море...

– Я уверена, что вы останетесь очень довольны, – кивнула Илана. – Значит, согласны?

– Вы предлагаете очень внушительную сумму. Тысяча долларов в сутки для простого агента по доставке... Помимо дорожных расходов... – Александра глубоко вздохнула, борясь с волнением. – Вероятно, эта цифра из какого-то старого кино. Вроде «Мальтийского сокола». В реальности платят меньше.

– Кто знает... – загадочно протянула Илана. – Может быть, вы и окажетесь в кино вроде «Мальтийского сокола»? Там очень красиво... В том маленьком мошаве[1 - Мошав – вид сельских населенных пунктов в Израиле, представляющих собой

сельскохозяйственную общину, действующую на кооперативных началах.], куда вы отправитесь. В Вифлееме.

– В Вифлееме? Я должна забрать пианино в Вифлееме?

Илана подошла к окну и настежь распахнула штору. Жемчужное сияние оттепельного предвечернего часа наполнило комнату, зажглось серебром в седых волосах женщины.

– Я говорю о другом Вифлееме, не о том, который знают все, – с грустью произнесла она. – В Израиле есть еще один Вифлеем, на севере страны, рядом с Назаретом. Вифлеем Галилейский. Там я и родилась... Так вы беретесь?

– Конечно, – ответила Александра. – Конечно!

В жестяной отлив за окном безостановочно била капель. Сверкающие капли разлетались солнечными брызгами. Декабрь притворился весной, по двору бежали ручьи.

– Тогда я сварю еще кофе, – кивнула Илана. – Мне нужно будет вас проинструктировать. Вы больше никуда не торопитесь?

– Уже нет, – улыбнулась художница. – Я полностью в вашем распоряжении.

* * *

Самолет улетал в начале первого ночи. После разговора с Иланой у Александры оставалось всего несколько часов, чтобы привести дела в порядок. Билет в Тель-Авив и отель в Хайфе она заказала еще находясь у Иланы, между двумя чашками кофе, в мобильном приложении. Рейс посоветовала хозяйка особняка:

– Вот этот, ночной – самый лучший! Ближе к шести утра будете в Бен-Гурионе. Оттуда в Хайфу можно приехать на поезде без пересадок. Быстро и дешево. Ну а там уж возьмете такси.

Илана помогла определиться и с выбором отеля – удобного и не слишком дорогого, по отзывам посетителей. Она заботилась о каждой мелочи, словно отправлялась в путешествие сама.

– Вы часто бываете в Израиле? – спросила Александра, проверяя свою электронную почту, на которую прислали бронь отеля.

Ответа не последовало. Художница подняла глаза и увидела застывшее лицо Иланы, непроницаемый взгляд из-под полуопущенных тонких век, прорезанных тонкими морщинами. На миг Александре показалось, что собеседнице стало плохо.

– Простите? – беспокойно спросила она. – Все в порядке?

Веки пришли в движение, взгляд смягчился. Илана глубоко вздохнула:

– Я не бывала в Израиле уже пятьдесят семь лет. В этом году будет ровно пятьдесят семь. Ну, вы все записали, все поняли. Если будут вопросы, вы всегда можете мне позвонить.

– Мне бы все-таки не помешало иметь при себе письменное согласие автора картины, – сказала Александра, поднимаясь с кресла. – Здесь, в Шереметьево, вопросов не возникнет, но это может сыграть роль в Израиле.

Илана взглянула на потолок.

– Я не хочу просить Генриха. У него отвратительный характер, и с годами лучше не стало. Мы только потеряем время. Напишу вам согласие на вывоз как владелица картины.

Александра продиктовала ей текст в свободной форме, Илана быстро покрыла половину листа округлым детским почерком, размашисто подписалась. Покидая особняк, Александра была уже совершенно поглощена мыслями о предстоящем полете. Еще утром у нее были совсем другие планы, а точнее – почти никаких планов. Хроническая беготня в поисках заказов, затянувшийся финансовый кризис, вечное опасение, что нечем будет заплатить за съемную квартиру...

* * *

– Как тебе повезло!

Марина Алешина, ее подруга, к которой она заглянула перед отъездом, чтобы отдать небольшой долг, с удовольствием приняла деньги и выслушала краткое изложение истории. Подробностей Александра избегала, как всегда, оберегая тайну клиента.

– До чего кстати подвернулось это дело. – Марина открыла стеклянную дверь шкафа с химической посудой и положила на полку деньги. – Сейчас у всех застой. И у меня ничего – ни продаж, ни экспертиз... Просто кошмар. Я такого не припомню!

Марина Алешина была крупнейшим экспертом по старинным пластикам, давно снятым с производства. Талантливый химик и бесстрастный коллекционер, умеющий чувствовать нестабильный рынок, она и во времена кризиса зарабатывала отлично. Ее специализация была редкой, ее экспертизы ценились во всем мире.

– В последнее время деньги только у китайцев, а я с ними не люблю связываться. – Марина смотрела на свое отражение в стеклянной дверце. Затем подошла к окну, опустила жалюзи, зажгла лампу на большом рабочем столе, поправила чехол на микроскопе, открыла ноутбук. – Несколько раз со мной забыли расплатиться до конца, а найти человека в Китае невозможно... Да, вот что!

Она резко повернулась к гостье:

– Пришла в голову одна мысль! В Хайфе у меня есть старый знакомый, он уехал лет десять назад. Мы пересекались на аукционах, и он за мной немного ухаживал...

Марина рассмеялась мягким щекочущим смехом, поправила блестящие черные волосы, уложенные в высокую прическу. Она умело копировала стиль шестидесятых годов прошлого века, и это очень шло к ее здоровой, полнокровной красоте. Александре она напоминала портрет молодой Екатерины Первой – пышная брюнетка с гордой осанкой и лукавым, дерзким взглядом.

– Павел... – Марина щелкала клавишами. – Он писал мне после отъезда несколько раз, просил скидывать заказы в Израиле, если попадутся. Но ничего никогда не попадалось. Да, вот его последнее письмо – Павел Щедринский. Тут и телефон есть. Давай я вас свяжу? Вдруг пригодится... Сейчас напишу ему.

– Давай. – Александра посмотрела на циферблат часов с оторванным ремешком. – Не очень понимаю, как он мне может пригодиться, но все же... Я в Израиле никого и ничего не знаю.

Марина протянула ей распечатанное письмо:

– Вот тут наверху его электронный адрес и телефон. Ты будешь на связи, надеюсь? Передай ему от меня привет и будь осторожна – он дамский угодник!

– О... – протянула Александра, пряча сложенный листок в огромную брезентовую сумку, испачканную красками. – Ты же знаешь – мною интересуются только сумасшедшие. Я их почему-то привлекаю. Ладно, пора в Шереметьево. Надеюсь, через несколько дней вернусь. Иначе пропущу аукцион в «Империи» и аванс придется вернуть.

– Это прекрасно, когда приходится выбирать между хорошим и более лучшим. – Марина крепко обняла подругу на прощанье и, отстранившись, оглядела ее. – Немного солнца тебе не помешает! Ты очень бледная!

* * *

И только в Шереметьево, сидя в кафе с чашкой капучино, ожидая начала посадки в самолет, Александра перевела дух и осознала, что на рассвете окажется в Израиле, очень далеко от московских дел и проблем. В последнее время ей редко приходилось ездить – международная торговля предметами искусства переживала кризис, заказчики редко посылали ее за границу. И как всегда в последние минуты перед вылетом, она испытала блаженное чувство свободы – обманчивой, короткой, драгоценной. Кофе остыл, Александра сидела за столиком, откинувшись на спинку диванчика, обводя взглядом полупустой вечерний терминал. На ее губах застыла улыбка. «Что ж, у меня есть причины улыбаться! – Она размешала ложкой остывшую сливочную пену и сделала глоток. – Илана меня прямо спасла! Сейчас и заказов-то нет, и продаж никаких,

а ведь зима! Время предпраздничное, обычно рынок всегда оживает...»

Перед вылетом Александра успела наведаться домой – она уже привыкла называть домом съемную квартиру, где жила с начала этого лета. Художница собрала дорожную сумку и зашла к квартирной хозяйке, которая жила в соседнем подъезде. Юлия Петровна была приятно удивлена, получив квартирную плату за два месяца вперед.

– Я решила заплатить сразу за два, чтобы деньги не разошлись, – откровенно сказала Александра и тут же выругала себя за эту неуместную прямоту. Глаза квартирной хозяйки, щедро обведенные фиолетовыми тенями, внимательно сузились.

– Очень разумно, дорогая, очень разумно! – проворковала Юлия Петровна, опуская деньги в карман стеганого атласного халата, выдержанного в фиолетово-сиреневых тонах, как и ее макияж и даже цвет волос. Вдова художника, сдававшая Александре мастерскую покойного мужа, оставалась верна как его памяти, так и этой цветовой гамме. Она носила только эти цвета и говорила только о муже. «Собственно, это даже не недостатки, – делилась Александра с Мариной Алешиной. – Но больше десяти минут подряд я с ней общаться не могу. Устаю!»

– Мне ли не знать, как художники обращаются с деньгами, – Юлия Петровна подошла к столу и вырвала из тетрадки лист. – Сейчас напишу вам расписку. Мой Лёня получал за картину пять тысяч долларов... И через несколько дней этих денег не было. У художника всегда слишком много нищих друзей! Тут надо иметь железное сердце, чтобы деньги уцелели. А он был добрый, никому не отказывал.

И, молниеносно написав расписку, закончила, протягивая лист бумаги Александре:

– Ну и конечно, он выпивал.

– Я не выпиваю, к счастью, – улыбнулась Александра, пряча расписку в карман сумки. – Но деньги улетают все равно. Меня не будет два-три дня. Я еще не брала обратный билет.

– Какая вы счастливица! – Юлия Петровна зачем-то достала из кармана деньги и посмотрела на них, словно желая убедиться в их реальности. – Израиль в декабре... Ведь это мечта! Наверное, там еще купаются в море?

– Насчет моря не знаю, – улыбнулась Александра. – Но пальмы я точно увижу.

Хозяйка ответила ей улыбкой, несколько кислой, как перестоявшееся в кладовой варенье.

Александре пришло в голову, что та ей завидует. Да и все те немногие знакомые, которых она успела известить о своей командировке в Израиль, в один голос говорили, что ей сказочно повезло.

– Я тебя ненавижу, – шутливо сказал ей по телефону Денис Гурин, коллекционер, интересы которого она собиралась представлять через неделю на торгах в аукционном доме «Империя». Александра позвонила ему сразу, как прошла паспортный контроль. – Ты бросаешь меня накануне аукциона, улетаешь из этой слякоти в лето, нюхать розы, и тебе еще за это платят. Я бы предпочел, чтобы ты сидела в Москве – простуженная, нищая, никому не нужная. По крайней мере, ты всегда под рукой.

– Так оно и будет, Денис, – засмеялась в ответ Александра, привыкшая к его своеобразной манере шутить. – Ты же знаешь, если мне и везет, то это длится недолго. Дня через три я вернусь в Москву.

– Подвернулось что-то интересное?

– Не очень, – честно ответила Александра, заглядывая в свой билет и проверяя номер выхода на посадку. – Кое-что отвезти туда, кое-что привезти оттуда. На этот раз я просто курьер. Ты сам понимаешь, времена нынче такие, что поневоле хватаешься за все.

Гурин, сменив тон с шутовского на сочувственный, поддержал старую приятельницу:

– Мне ли не знать? Я в этом году хотел банкротиться, в последний момент передумал. Но это уже не бизнес, а любительство. Надо переходить на торговлю

онлайн, а у меня к этому душа не лежит. Скоро от нашей старой гвардии и следа не останется. Рынок завоюют сетевые хунвейбины. Ладно, что-то я разнылся на ночь глядя. Не пропадай, звони! Я на тебя рассчитываю!

Под потолком терминала замурлыкал голос, объявляющий начало посадки. Александра, успевшая задремать с открытыми глазами, встрепенулась, повернула голову и увидела на табло номер своего рейса. Она встала с диванчика, сладко потянулась. «В самолете я отлично выплусь, лететь четыре часа...» В Израиле Александра не бывала никогда, знакомых у нее там не было, и она лишь приблизительно представляла себе, какие действия следует предпринимать и в какую сторону двигаться. Но подобные ситуации были ей не в диковинку. Ей очень нравилось оказываться в незнакомых обстоятельствах, в новом месте. В такие моменты она испытывала азарт охотника, впервые входящего в незнакомый лес.

Александра подкатила свой исцарапанный чемодан к хвосту очереди, мгновенно скопившейся у выхода, где шла посадка на Тель-Авив. Время близилось к полуночи, и когда у нее в кармане куртки зазвонил телефон, она решила, что это кто-то из близких знакомых, узнавших о ее отъезде. Обычно так поздно ей не звонили. Но номер оказался незнакомый.

– Это Александра? – осведомился сипловатый, низкий мужской голос.

– Да, это я. С кем я говорю?

– Мы, к сожалению, не знакомы, но вы сегодня были у нас дома. У Иланы. Меня зовут Генрих.

– Очень приятно, – ответила Александра.

– Мне также, – отрывисто сказал мужчина. – Илана рассказала мне, с каким поручением отправила вас в Израиль. Я категорически против! Вы слышите? Категорически против!

Художницу обдало жаром, вдоль позвоночника пробежали булавоочные уколы. Содрогнувшись, она как можно спокойнее произнесла:

– Но Илана сказала мне, что картина – это ее собственность.

– Это так. Я имел глупость подарить ей эту картину. Но вы ни в коем случае не должны отвозить ее тому человеку, к которому она вас направила! И это проклятое пианино вы тоже не должны привозить в Москву!

– Я... не знаю, что вам ответить, честно, – растерянно проговорила Александра. – Мне уплатили аванс...

– Оставьте себе аванс, вы потратили время, оно должно быть оплачено, – оборвал ее собеседник. – Вы еще в Москве, как я понимаю?

– Я сажусь в самолет.

– Возвращайтесь в город! – резко приказал Генрих. – Картину пришлите на наш адрес курьером. Больше не контактируйте с Иланой. Ваш договор можете считать расторгнутым.

– Извините, я...

– Вы меня слышали? – Генрих повысил голос. – Оставьте себе деньги и не делайте ничего. Неужели я многого прошу?

– Извините. – Александра перехватила телефон внезапно застывшими пальцами. – Но вы не мой клиент. Вы не можете отменить этот договор. Пусть мне позвонит сама Илана. Пусть она сама откажется от моих услуг.

– Илана спит, – после долгой паузы произнес мужчина. – И она не откажется. Послушайте! Вы можете просто принять мои слова на веру? То, что она затеяла, не просто глупо, это чревато большими неприятностями для нас. Это не сумасбродство, а куда хуже. К сожалению, она не дала мне вашего номера, я добрался до ее телефона, только когда она уснула. Я прошу вас...

Очередь, вначале двигавшаяся очень медленно, внезапно ускорилась. К стойке возле выхода на посадку подошла еще одна регистраторша. Александра покатила чемодан одной рукой, другой прижала к уху телефон:

– Я уже ничего не могу изменить, я сажусь в самолет и отключаю телефон. Мне очень жаль, но я ничем не могу вам помочь.

– Да послушайте вы! – неожиданно громко рявкнул в трубку собеседник.

Прикусив нижнюю губу, Александра неожиданно для себя самой нажала кнопку на ребре телефона и держала ее, пока экран не погас. Обычно она проделывала эту операцию уже сидя в салоне самолета. Через минуту она протянула паспорт и посадочный талон регистраторше и покатила чемодан по «рукаву», ведущему в самолет. Здесь было холодно, в щели свистел декабрьский ветер. Ребристый «рукав» примыкал к борту самолета неплотно, и Александра увидела в щели чернильное московское небо с заревой багровой каймой – в ночи светился огромный, никогда не спящий город. Порыв ледяного ветра, пахнувшего резиной и гарью, сладко обжег ей горло.

– Добрый вечер, – сказала она, протягивая бортпроводнице в алом костюме паспорт и посадочный талон.

– Добрый вечер, – ответила та. – Добро пожаловать на борт лайнера «Барклай де Толли»!

В салоне было тепло, звуки шагов и шум катящихся чемоданов приглушались синими дорожками в проходах. Пахло шампунем для ковров. Почти все пассажиры уже расселись, треть мест пустовала. Александра с удовольствием обнаружила, что летит без соседей, и заняла место у окна. В последние минуты перед вылетом возникла суматоха – в салоне обнаружилась синица, залетевшая с улицы. Птица порхала по салону, присаживаясь на откинутые дверцы багажных отсеков, на спинки сидений. Стюардессы пытались ее поймать и очень просили пассажиров не помогать им – желающих нашлось немало. Наконец, одна из проводниц догадалась набросить на птицу синий флисовый плед. Синицу, завернутую в плед, вынесли из самолета и выпустили. Эту сцену Александра наблюдала уже в легкой полудреме – она очень устала за этот день, показавшийся ей бесконечным.

– Не получилось у синички слетать в Израиль, – произнес сзади мужской голос.

– А знаешь, – ответила ему женщина, – птица, залетевшая в дом, – к смерти.

– Так это если в дом, – возразил ее спутник.

Тягуче, низко завывали турбины. Пассажиры на заднем ряду говорили еще о чем-то, но Александра больше не прислушивалась. Она бросила взгляд в иллюминатор, на оранжевый, залитый светом бетон взлетной полосы, на длинные цепи огней, за которыми караулила аэропорт безлунная ночь. И закрыла глаза. Когда мощная тяга взлетающего лайнера прижала ее к спинке сиденья, Александра уже спала.

Глава 2

За стеклянными стенами зала ожидания начинало светать. У выхода в зал стояли встречающие – по случаю раннего времени их было немного. Александра отлично выспалась в самолете – так как соседей не было, она подняла подлокотники и улеглась на три смежных сиденья, поджав ноги, сунув под голову подушку и укрывшись пледом. Проснувшись она, когда самолет пошел на посадку и ее попросили занять свое место. Во тьме за иллюминатором ничего не было видно – лишь несколько раз мелькнули далекие огни, но на земле или на море, было не различить. В аэропорту Александра умылась в туалете, напилась воды из фонтанчика. Паспортный контроль она прошла без помех, и таможенники на выходе не заинтересовались ее чемоданом, где лежала картина. Все шло на редкость гладко.

Илана дала ей подробные инструкции, как проще и быстрее всего добраться до пункта назначения. «Выйдете из зала прилета, свернете налево и на лифте спуститесь на платформу, откуда идет поезд. Сядете на поезд на Наарию. Сойдете в Хайфе. «Хайфа – Мерказ – Центр». Оттуда возьмете такси. Иначе вы до Вифлеема Галилейского не доберетесь. Он на отшибе от больших шоссе. О его существовании знают далеко не все. Это другой Вифлеем, не тот, куда едут со всего мира».

Сориентировавшись в табличках и отмахнувшись от таксистов, предлагавших свои услуги по-русски, Александра двинулась к выходу, отмеченному табличкой с поездом. Внезапно ей преградил путь высокий мужчина. Она обогнула его, приняв за очередного таксиста, но он окликнул ее:

– Вы Александра? Корзухина? Из Москвы?

– Д-да... – с запинкой ответила художница, с ног до головы оглядывая незнакомца. У нее мелькнула мысль, что Илана послала кого-то встретить ее, но мужчина тут же представился:

– Я Павел Щедринский, знакомый Марины Алешиной. Она мне написала вчера вечером, что вы приезжаете и что никого не знаете в Израиле. Попросила помочь. Я попросил вашу фотографию, чтобы встретить в аэропорту, и Марина прислала.

Он говорил торопливо, неуверенно улыбаясь, словно опасаясь, что ему не поверят. Александра кивнула:

– Да, Марина говорила о вас. Но я не ожидала, что вы приедете меня встречать... Так неожиданно! Очень любезно с вашей стороны.

– Так пойдемте, у меня машина на стоянке. – Павел потянулся к ее чемодану и перехватил ручку. – Сейчас еще нет пробок, надо поторопиться.

Оказавшись на свежем воздухе, Александра едва успела отметить взглядом светлеющее небо, жесткую листву, в которой прятались цветы, вереницу такси, стоящих у входа, людей, курящих, смеющихся, катящих чемоданы в сторону железнодорожной платформы... Они спустились на стоянку, Павел сунул карточку в автомат, вытащил талон и провел Александрю к своей машине. Она уселась на заднее сиденье потрепанного белого «фольксвагена». Павел устроил ее чемодан в багажнике и уселся за руль.

– Если бы вы знали, как я рад видеть кого-то из Москвы! – с воодушевлением сказал он, выезжая со стоянки. – Холодно там сейчас?

– Не очень, – улыбнулась Александра. – Оттепель. Снег выпадает и тут же тает.

– Здесь тоже бывает снег, – после паузы отозвался Павел. – В Иерусалиме, например. Но в Хайфе – нет, не помню. У нас все больше наводнения зимой, во время ливней. Я здесь десятый год уже.

И без перерыва осведомился:

– Вы с Мариной коллеги? Вы тоже эксперт по редким пластикам?

– Нет, я просто посредник, продаю, что подвернется, – отозвалась Александра, жадно ловившая взглядом ряды пальм за окном, рекламные щиты, огни заправок. За бетонными бордюрами вскипали незнакомыми цветами пышные кусты. На обочинах мелькали растения, которые Александра привыкла встречать в цветочных горшках и кадках в квартирах у московских друзей: фат-сия, драцена, цветущий алый гибискус... Рассвет наступил мгновенно. Теперь было совсем светло. На западе, над морем, громоздились неподвижные кучевые облака цвета кипящего молока.

Павел, не оборачиваясь, уточнил:

– Живопись, антиквариат?

– Да, как правило, – ответила она. – Все, что можно продать. Бывает и фарфор, и бронза, и мебель... Я за все берусь.

Машина остановилась на перекрестке. Пока сигнал светофора менялся с красного на желтый, Александра с умилением рассматривала дерево, сплошь усыпанное мандаринами, видневшееся за бетонным забором. Зажегся зеленый. Мандариновое дерево исчезло за поворотом.

– А я раньше работал с пластиками, с декоративно-прикладным искусством, специализировался на арт-деко и на модерне. Думал, что так оно будет всегда. Теперь занимаюсь чем попало, – после паузы продолжал Павел. – Здесь нет настоящего рынка антиквариата, как в Европе и Америке. И как в России. Торгуют в основном китайскими подделками для туристов, якобы ближневосточного происхождения. Всякие там кувшины, кальяны, инкрустация, прочий мусор. Еще есть арабская тема – всякая дрянь типа кинжалов, сбруи... Тоже штамповки для туристов. Арабы сами скупают весь стоящий антиквариат. К ним на рынок не вступишь. Знаю я одного бедуина, под Хайфой, так он может легко такой музей открыть, что закачаешься! Но старик не хочет. Даже фотографировать свои сокровища не разрешает. Вы давно Марину знаете?

Александра, жадно созерцавшая новый мир за окном, встрепенулась:

– Пару лет. Мы познакомились на одном аукционе, я там представляла владельца. И сперва мы дико враждовали! Марина практически сорвала эти торги. Но потом она мне очень помогала, и мы подружились. На сегодняшний день можно сказать, у меня ближе подруги и нет.

– У Марины непростой характер, – заметил Павел. – Она все еще одна?

Художница помедлила, прежде чем ответить. Она очень не любила обсуждать кого-то за спиной, особенно если речь шла о личной жизни. Ей вспомнились слова Марины о том, что Павел за ней ухаживал. Его интерес был понятен. «Да и скрывать тут нечего!»

– Одна, – просто ответила Александра.

– Она говорила вам, что мы собирались пожениться? – голос прозвучал сдавленно, с наигранной беззаботностью. – Сто лет назад.

– Нет, этого Марина не говорила. – Александра сощурилась – в глаза ей ударили солнечные лучи, пробившиеся между бетонных уродливых коробок. Машина ехала по промзоне, вокруг громоздились склады, застывшие подъемные краны, контейнеры, тут и там виднелись разрушенные дома с обвалившимися балконами. Некоторые здания были обитаемы – на перилах балконов сушилось белье.

– Собирались... – повторил он. Александра видела его внимательный взгляд в зеркале заднего обзора. Глаза у него были голубые, усталые, веки покраснели. – К счастью, так и не поженились. Такие люди, как мы с ней, не должны жить вместе. Короткий роман – да. А семья – нет.

Александра промолчала, удивляясь такой откровенности незнакомого человека. Кроме того, Марина совершенно иначе упоминала об их с Павлом отношениях. «Старый знакомый, она сказала. Старый знакомый, немного за ней ухаживал. Но роман? Планы на свадьбу?»

– Я женился вскоре после нашего с Мариной разрыва, – продолжал Павел. – Собственно, из-за Дианы мы и расстались. Потом мы с женой уехали в Израиль. А сейчас мы разводимся. Это такой тягомотный процесс, вы себе не

представляете!

Александра продолжала хранить молчание – она просто не знала, что отвечать. Да Павлу, судя по всему, и не требовались ответы – он говорил много и охотно, как человек, долгое время страдавший от отсутствия слушателей.

– Раздел имущества... Расходы на адвоката... Все, все оплачиваю я! Диана с виду – суший ангел, но у нее оказались очень острые зубы! Так оно часто бывает. Ей удалось доказать факт моей неверности – она установила в нашей квартире камеры наблюдения, когда я был в отъезде, и естественно, мне об этом не сказала. И теперь я должен ей кучу денег. Это счастье еще, что мы поженились не в Израиле, а в России, иначе она бы с меня с живого шкуру содрала! Здесь развод – это...

Павел сделал такое движение, словно выкручивал из потолка машины невидимую лампочку.

– Пришлось съехать на съемную квартиру, в трущобах... Я официальный банкрот. И самое глупое, что Диана продолжает меня преследовать. Казалось бы – уничтожила человека, так оставь его в покое! Но нет. Она заявляется ко мне без звонка, следит, проверяет, подружилась с квартирной хозяйкой за моей спиной... Боится, как бы я от нее лишней шекель не скрыл. Поэтому я вас к себе и не приглашаю. Во-первых, мне просто негде вас устроить, во-вторых, если Диана заявится, это будет... Неприятно, мягко скажем.

Александра протестующе подняла руки:

– Нет-нет, я прекрасно устроюсь в отеле! У меня есть бронь.

– В каком отеле? В Хайфе?

– Да, сейчас скажу. – Она порылась в сумке, достала распечатку с бронью, зачитала название и адрес. – Бронь на три дня.

– Отлично, это отель у самого моря, – кивнул Павел. – Неплохой. В декабре там должно быть народу немного. У вас дела в Хайфе?

– Мне потом понадобится грузовой морской порт в Хайфе, – сообщила Александра. – А вообще, мне нужен Вифлеем Галилейский.

– Да ну?! – мужчина повернул к ней голову. Машина снова стояла на большом перекрестке, справа и слева затертая фурами. – Бывал там однажды, очень милое местечко. И что там, в этом Вифлееме?

– Надо забрать оттуда старое пианино и отправить в Москву, – улыбнулась Александра. – Работа совсем не творческая, как видите.

– Это какое-то редкое пианино?

– Да вроде бы нет. Просто старое. Семейная реликвия, как я понимаю.

– Перевозка будет стоить бешеных денег, – задумчиво произнес Павел.

– Это дело заказчика, он платит, – сдержанно ответила Александра.

– У меня в морском порту, на таможне, есть старый приятель, он все ходы и выходы знает, – после минутного раздумья сообщил мужчина. – Я с ним свяжусь.

– Это будет здорово! – искренне отозвалась Александра. – Я в Израиле впервые и совсем здесь не ориентируюсь. Я очень вам благодарна!

– Да бросьте, – фыркнул Павел. – Я только рад отвлечься от всей этой мороки с разводом. Бывают дни, когда жить не хочется. Я дал себе слово – как только разведусь, на пару недель уеду в Москву. Нужно переключиться. Очистить голову... Значит, я везу вас в отель, а потом? Когда вы собираетесь в этот сказочный Вифлеем? Туда ведь без машины не доберетесь, пожалуй. Насколько я помню, от шоссе туда ходит какой-то местный кислый автобус, пару раз в сутки. Это же просто мошав, да еще на отшибе.

– Я планировала несколько часов отдохнуть, связаться с человеком, у которого должна забрать пианино, и сразу ехать. Сегодня же.

– Ну, тогда мы так сделаем – я вас отвожу в отель, вы занимаетесь своими делами, потом просто позвоните мне и скажете, что готовы ехать. Я через

двадцать минут буду у вас, и мы отправимся в Вифлеем.

– Мне неудобно... – начала художница, но Павел ее остановил:

– Бросьте, это вы мне делаете одолжение. Я в последние дни сам не свой. Спать не могу. – Мужчина провел тыльной стороной ладони по щеке, послышалось легкое похрустывание отросшей щетины. – Кто-то снимает стресс алкоголем, а я не люблю этого. Мне нужно на что-то отвлечься. Ничего, что я все время разговариваю? Это я чтобы не уснуть. Ночью глаз сомкнуть не могу, а днем на ходу засыпаю.

– Конечно, говорите! – воскликнула Александра.

– Нет, теперь вы расскажите мне что-нибудь, – усмехнулся Павел.

– О чем?

– О Москве.

– А что?

– Все равно что, – ответил он. – Все равно.

* * *

Она смотрела на море сверху, с балкона восьмого этажа. Серое всклокоченное море, пустая линия пляжа. Справа – очертания порта, вдали – трубы. Слева – закрытые кафе, дорожка для пробежки и вдали – трубы. Далеко в море Александра различала очертания нескольких судов. Дул сильный ветер, растрепанные пальмы яростно шумели ветвями, похожими на плавники летучих рыб. Пока Александра отсыпалась после ночного перелета, ясное утро сменилось темным днем. С моря шли грозовые тучи.

Александра запахнула на груди махровый халат, еще раз жадно вдохнула морской воздух и вернулась в номер. Художница проспала чуть больше трех часов, настежь открыв дверь на балкон и глубоко зарывшись в гостиничные

белые одеяла, но у нее было ощущение, что она великолепно отдохнула. Перевалило за полдень.

Широкая кровать манила снова прилечь, но Александра присела в одно из кресел и взяла телефон, поставленный перед сном на подзарядку. Звук она на время сна отключила и теперь обнаружила два неотвеченных вызова. Марина Алешина и Илана. В телефоне заказчица была записана просто по имени, ее фамилия была Александре до сих пор неизвестна, но значилась где-то в бумагах – на прощание Илана, помимо аванса и картины, вручила художнице синий пластиковый конверт с бумагами, среди которых была и копия ее паспорта. Илана выступала получателем груза, который предстояло отправить из Израиля в Москву.

Отчаянно хотелось кофе. Александра с удовольствием обнаружила чайный уголок – на столике стоял электрический чайник, чашки и поднос с пакетиками растворимого кофе, чая, сахара. Спускаться в ресторан или кафе не хотелось. Звонить и заказывать кофе в номер не хотелось. Хотелось просто смотреть на море.

– Потрясающе, – сказала она через несколько минут, выходя на балкон с чашкой дымящегося черного кофе. Она высыпала туда все пять пакетиков. Получился горький напиток не самого приятного вкуса. Тем не менее ей удалось очнуться от сонливости. – Просто потрясающе!

Замечание, конечно, относилось к морю, которое продолжало набрасываться на прибрежный песок, еле различимый под хлопьями серой пены. Александра присела в плетеное кресло, изрядно отсыревшее, и, поставив чашку на плиточный пол, набрала номер Марины.

– Добралась? – немедленно раздался в трубе знакомый сочный голос. – Павел мне тут ночью писал, просил твои приметы и фото. Встретил?

– Встретил, отвез в отель, обещает помогать с отправкой груза. Просто золотой человек!

Марина засмеялась:

– Ну, я бы сказала, что это не чистое золото, а позолота, и довольно тонкий слой! Иногда на него находит желание быть милым, оказывать услуги, причем от чистого сердца, вполне бескорыстно. Но вообще, это не самый приятный человек, с которым мне довелось общаться. Надеюсь, он изменился и тебе с ним больше повезет. Сама знаешь: что одному – яд, другому – мед...

– Да у меня нет никаких планов на него, – улыбнулась в трубку Александра.

– И не надо! – горячо поддержала ее Марина. Пожалуй, излишне горячо, как показалось художнице. – Нельзя связываться с мужчиной, который угрожает самоубийством, если его отвергли.

– Мне такие кавалеры не попадались, но ты права – это слишком сильные страсти. Я человек тихий, скромный.

– Нет, ты не подумай, что у меня тут есть какая-то личная заинтересованность, – продолжала подруга. – Но я просто обязана тебя предупредить. Паша очень влюбчивый. И ужасно тяжело переживает поражения.

– У него не будет времени в меня влюбиться, – рассмеялась Александра. – Сейчас я ему позвоню, и мы поедем куда-то в деревню, как я поняла. А потом в морской порт. И если все пойдет хорошо, я надеюсь уже завтра улететь в Москву. Мне надо готовиться к аукциону.

– Да пес с ним, с аукционом, – вздохнула Марина. – Неужели так не терпится вернуться в нашу слякоть? У тебя там море где? Рядом?

– Метрах в пятидесяти. Я на него смотрю.

– Зараза, – с чувством прокомментировала ее ответ подруга.

Перебросившись с Мариной еще парой реплик, Александра закончила разговор. И поняла, что тянет время – прежде всего она должна была позвонить Илане. Она не могла решить, стоит ли сообщать заказнице, что звонил Генрих? Его звонок был по меньшей мере неприятен. «И могут быть проблемы, несмотря на то что картина ему не принадлежит!»

Пока она размышляла, Илана позвонила сама – ее имя отразилось на экране ожившего смартфона.

– Вы не брали трубку, я уже пыталась дозвониться. – Голос казался на удивление близким и молодым. – Как добрались? Где вы, в Хайфе? В отеле? Уже были в Вифлееме?

– В Вифлееме? – Александра пригладила ладонью растрепавшиеся на ветру волосы, словно стараясь унять заодно и разбегавшиеся мысли. – Нет, но я сейчас туда собираюсь. Надеюсь вечером порадовать вас новостями.

– Ничего не случилось?

Вопрос поставил художницу в тупик. Она вопросительно посмотрела на свое отражение в балконном стекле.

– Все в порядке, – осторожно ответила она. – А что? Что-то может случиться?

– Всегда что-то может случиться, – невозмутимо заметила Илана. – Просто голос у вас был такой... Напряженный. Вы должны мне сразу сообщать обо всех затруднениях, вы помните, я вам говорила? О любых, самых мелких. Да вообще обо всем, до мелочей.

– Да, да, конечно... – Александра, наконец, решилась. – Знаете, о первом затруднении я вам уже могу сообщить.

И передала заказнице содержание вчерашнего телефонного разговора с Генрихом.

– Ваш супруг ясно заявил, что против отправки картины в Израиль и против того, чтобы пианино ехало в Москву, – подытожила Александра. – Я думаю, вы должны это знать.

– А я знала, – спокойно ответила Илана. – Жаль, что он вас смутил. То, что он против, не должно вас волновать. Я банкет заказываю, я за него и плачу. Он не имеет никакого права вам указывать.

– Примерно это я и постаралась объяснить вашему супругу, – вздохнула Александра. – Что мне ему сказать, если он позвонит еще раз?

– Он не позвонит. – Голос Иланы прозвучал жестко, и художница была готова поклясться – в нем ясно слышались презрительные нотки. – Обычно ему хватает одной отповеди. Я с ним сама разберусь. Давайте не будем больше это обсуждать. Лучше повторим ваши действия. Вы едете в Вифлеем и обращаетесь по адресу, который я вам дала. Вы должны найти Ракель Хофман, она работает гидом-волонтером в Музее истории мошава. Утром я написала ей, что вы приехали. Она готова принять картину и передать вам пианино. Платить ничего не надо. Картина передается в дар Музею мошава. Пианино, как думала Ракель, тоже являлось экспонатом музея, но потом выяснилось, что ни в одной описи оно не значилось. Так что это просто старый, не имеющий никакой ценности инструмент, который много лет простоял в сарае. Ракель с удовольствием от него избавится. Она предупредила, что пианино в плохом состоянии. Все предельно ясно, так?

Александра кивнула, забыв, что собеседница не может ее видеть.

– Вы отправляете пианино в Москву, и ваша миссия выполнена, – закончила Илана. – Только не откладывайте визит на завтра. Я заинтересована в том, чтобы все совершилось как можно быстрее. И без того много времени потеряно с Филом. Я должна была сразу понять, что на него где сядешь, там и слезешь...

– Я постараюсь сегодня же все и закончить, – пообещала художница. – Что ж, если вопросов больше нет, я приступлю немедленно.

– И да, если вам снова будет звонить Генрих, просто не отвечайте, – раздалось в трубке. – У него и всегда-то характер был неважный, а с возрастом и вовсе испортился. Каждый день новая блажь или новые страхи. Удачи!

И она дала отбой.

Александра взглянула на часы и набрала номер Павла. После нескольких долгих гудков ей ответил сонный голос. Художница поспешила извиниться:

– Я вас разбудила? Все, кладу трубку.

– Нет-нет, я не спал, так, валялся! Едем?

– Мне ужасно неудобно вас эксплуатировать...

– Да в чем неудобство-то? Я уже и машину заправил. Через полчаса спускайтесь, буду ждать внизу.

Торопливо одеваясь и собирая сумку, Александра твердо решила настаивать на том, чтобы оплатить хотя бы бензин. «Илана платит мне тысячу долларов в сутки, а этот Павел явно не купается в деньгах!» Она взяла синий пластиковый конверт, который передала ей Илана. Помимо документов – немногочисленных, впрочем, – в нем лежало два бумажных конверта, поменьше. В одном Илана передала Александре аванс, как она выразилась, – три тысячи долларов наличными. «За трое суток, – сказала она. – Думаю, больше времени это никак не займет. Но если вы управитесь за сутки, деньги все равно останутся у вас!»

Александра достала свой конверт, пересчитала купюры – после расчетов с квартирной хозяйкой их стало значительно меньше. Двести долларов переложила в бумажник. В другом конверте лежали деньги для расчетов с транспортной компанией. Илана, судя по всему, везде предпочитала расплачиваться наличными.

Напоследок художница пролистала документы – в Москве она взглянула на них только мельком. Адрес в Вифлееме. Координаты транспортной компании в Хайфе. Письменное согласие Иланы на вывоз картины из России. И ксерокопия ее паспорта.

Когда Александра бросила взгляд на эту ксерокопию в Москве, она решила, что Илана скопировала разворот загранпаспорта. Сейчас же, вчитавшись, художница обнаружила, что перед ней ксерокопия паспорта гражданина Британии. «UNITED KINGDOM OF GREAT BRITAIN AND NORTHERN IRELAND... ILANA MAGR. BRITISH CITIZEN»[2 - Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Илана Магр. Британский гражданин (англ.)].

«Кого только не встретишь в этих переулках на Знаменке, – думала Александра, закрывая за собой дверь гостиничного номера. – Даже британских граждан, с виду вполне себе москвичей, желающих любой ценой привезти из Израиля старое расстроенное пианино...»

Павел сидел на диване в углу лобби, уткнувшись в телефон. Когда раздвинулись двери лифта, он поднял голову и помахал Александре.

– У нас есть время или вы торопитесь? – спросил он, поднимаясь и опуская телефон в нагрудный карман куртки. Александра отметила, что он успел побриться. Навязчивый аромат лосьона после бритья вызвал у нее желание чихнуть. Редущие русые волосы Павла были расчесаны на косой пробор и казались влажными. Он сменил свитер на белую рубашку.

– Собственно, я хочу закончить дела как можно скорее, – призналась Александра. – Меня ждут в Москве.

– Как я вам завидую, – произнес Павел, открывая перед ней дверь отеля. – Меня уже давно никто нигде не ждет.

Его постоянные попытки перевести разговор на личные проблемы начинали угнетать Александру. Ответить на подобные замечания ей было нечего. Не замечать их – невежливо. Она дипломатично вздохнула.

Павел отпер машину и пригласил ее сесть:

– Сейчас хорошее время, утренние пробки уже рассосались, вечерних еще нет. Итак, Вифлеем Галилейский?

– Вифлеем, – повторила Александра.

– Вам не надо позвонить предупредить о своем приезде? Вас ждут? Будет жалко, если съездим зря.

– У меня есть телефон. – Александра достала синий пластиковый конверт, извлекла оттуда лист с записями. – Вот – Ракель Хофман. Адрес и телефон. Она знает, что я приехала в Израиль и должна вот-вот появиться у нее. Но я не знаю, говорит ли она по-английски.

– Давайте, – Павел не слишком церемонно отнял у нее листок. Вытащил телефон, набрал номер. Почти сразу в трубке послышался бодрый женский голос. Павел быстро заговорил на иврите. Александра поняла только слово «Москва»,

произнесенное с непривычным ударением, на первом слоге. Разговор закончился быстро.

– Нас ждут с самого утра, – сообщил Павел. – Она спросила, когда мы можем забрать пианино. Как я понял, ей не терпится от него избавиться.

– Здесь у меня адрес транспортного агентства. – Александра показала ему другой лист.

Павел глянул и поморщился:

– Эти? Ни в кое случае. Обдираловка! Найдем лучше и дешевле.

– Что бы я без вас делала. – Александра спрятала бумаги. – А вам не кажется, что надвигается шторм?

Небо над морем совсем почернело. Порывы ветра достигли такой силы, что «фольксваген» заметно содрогался. С набережной исчезли многочисленные бегуны и велосипедисты. Только парень, выгуливавший на сворке сразу трех собак, не торопился уходить. Беспородные упитанные псы, возбужденные ветром и волнами, с упоением топтались у линии прибоя, что-то выглядывая в гроздьях пены и скрученных водорослей.

– А нам-то что? – заметил Павел, выруливая со стоянки. – Мы ведь от моря уедем. Вифлеем – тихое местечко. Там и время, кажется, застыло. Да вы сами сейчас убедитесь.

* * *

Ливень обрушился на шоссе, как только машина остановилась на первом светофоре. Незнакомый город за стеклами окон сразу превратился в текучее море огней, неразличимых, бесплотных. «Дворники» бешено сгоняли с лобового стекла воду, но Александра едва могла различить габаритные огни едущей впереди машины. Мгновенно возникла пробка. Но Павел был спокоен и даже весел:

– Как вам погодка? Тут, внизу, у моря, бывают такие наводнения в сезон дождей
– машины плавают, как танкеры... Просто страшно. Один раз я видел, как тут плыл кабан!

– Кабан?! – изумленно переспросила Александра.

– Ну да, натуральный дикий кабан, здоровенный. Я сзади увидел его, сперва решил, что мотоцикл затопило и он плывет задом кверху. А это кабанище, матерый. Они с Кармеля прибегают, с горы, из заповедника. Роются в помойках. Отстреливать их нельзя, в Израиле охота запрещена.

Александра почти прижалась лбом к оконному стеклу, больше угадывая, чем разглядывая, торговые центры, тесно застроенные кварталы, сгрудившиеся на всех полосах автомобили и фуры, грузовые краны в порту, похожие на остовы доисторических чудовищ... Прямо у окна мелькнул мотоциклист, взревел мотор, в стекло плеснула вода. Павел раздраженно фыркнул:

– Как они ездят, эти...

– Эти? – обернулась Александра.

– Это Ближний Восток, не забывайте, – снисходительно пояснил он. – Очень ближний, и очень восток. Тут до сих пор некоторые товарищи выливают помои из окон и бросают мусор на лестнице. И в школу ходили далеко не все. Я говорю об определенном контингенте, конечно. Вам не нужно вникать, к счастью...

Впереди маячило что-то огромное, темное, увенчанное алыми огнями.

– Кармельский тоннель, – прокомментировал Павел.

Грохот ливня по крыше прекратился мгновенно, смутная водяная мгла сменилась ровным желтым светом под бетонными гладкими сводами. Все то время, пока машина ехала через тоннель, Александра сидела чуть подавшись вперед, крепко сжав кулаки. Когда по кузову «фольксвагена» вновь загредел дождь, она откинулась на спинку сиденья и глубоко вздохнула.

– Боятесь тоннелей? – не глядя на нее, осведомился Павел.

– Да... Есть такое, – через силу улыбнулась Александра. – Глупо, но я их недолюбливаю. И даже знаю почему, но это не очень помогает справиться. Как-то в детстве родители повезли меня на море отдыхать. Мы отправились на автобусную экскурсию и должны были проехать через тоннель. И возле тоннеля, на склоне горы, на всех кустах валялись разбросанные вещи: раскрытые чемоданы, какие-то обломки, куски автобусных кресел... Кое-где я заметила кровь. Потом мне сказали, что на рассвете, на въезде в тоннель, какой-то автобус столкнулся с грузовиком. В те времена про жертвы обычно умалчивали, но и так было ясно, что без жертв не обошлось. А в тоннеле было совершенно темно. Никакой подсветки, кроме фар автобуса. И пока мы оттуда не выехали, я, можно сказать, не дышала. С тех пор тоннели для меня...

– Вам бы у психолога побывать, – заметил Павел. – Он бы помог.

– Ну, эта фобия мне не так уж мешает жить. – Александра снова смотрела в окно. Водяная завеса начинала заметно редеть, немного посветлело. Теперь художница различала буро-зеленый, окутанный туманом холмистый рельеф над городом. – Там вон и есть гора Кармель?

– А? – Павел едва глянул в ее сторону. – Да, это она. Дивное место, но не в такую погоду, конечно. Да и сама Хайфа вам должна понравиться. На завтра нам обещают хорошую погоду, надеюсь хоть что-то вам показать.

– О, я на это совсем не рассчитываю, – улыбнулась Александра. – Я ведь не туристом сюда приехала. Нам долго ехать?

– Здесь все сравнительно рядом, – пожал плечами ее спутник. – Израиль маленький. Хотя... Он похож на Страну чудес и Зазеркалье. То, что кажется близким, оказывается вдруг далеко, и наоборот. Много существует и работает по законам абсурда. Если эту логику принимаешь – то живешь не хуже людей. А если нет...

Он внезапно замолчал. Заинтригованная Александра напрасно ждала продолжения. Дождь перестал. В бетонированных канавах вдоль шоссе бежали бурные потоки мутной воды. Сквозь плотные облака сочился белесый послеполуденный свет. Город закончился вместе с горным массивом – теперь машина ехала среди полей, разделенных лесопосадками. Бархатная зелень, блестящие полосы воды, тонкий пар, встающий от влажной земли, – все это

погружало Александру в мечтательное состояние. «Да почему бы и не помечтать?» – спросила она себя, жадно ловя взглядом невероятное смешение деревьев и цветущих кустарников по обе стороны дороги. Здесь, как в райском саду, все росло вперемешку: кипарисы и ливанские кедры, оливы и лимонные деревья, приземистые дубы, огромные раскидистые кактусы, усыпанные оранжевыми плодами, пальмы и какие-то высокие деревья с белыми стволами и плакучими ветвями, которые Александра сперва приняла за березы, а потом за тополя.

– Это эвкалипты, – развеял ее сомнения Павел. – Можете перед отъездом себе веничек в баню нарезать. Мои московские гости все с веничками уезжают.

– Я в баню хожу не часто, – улыбнулась Александра. – Даже не подозревала, что в Израиле растут эвкалипты!

– В Галилее все растет, – заверил ее спутник. – Даже маслята. Хотите по грибы сходить?

– В декабре? Как в сказке – за подснежниками...

– Насчет подснежников – крокусы как раз вылезают. Вчера был на природе, видел парочку. Скоро их будет море! И крокусы, и цикламены, и анемоны всех цветов – ногу будет некуда поставить. По мне, так зима – самое лучшее время в Израиле. Жаль, что вы к нам ненадолго!

– Жаль, – откликнулась она, провожая взглядом маленький поезд – всего несколько вагонов, деловито едущий вдоль шоссе. Александра едва успела на него взглянуть – машина свернула с главного шоссе и ушла влево, на извилистую дорогу, стиснутую оливковыми рощами и виноградниками. Небо все больше расчищалось. Далеко впереди уже пестрили яркие пятна солнца, и сочная зелень ослепляла. Дорога еще сузилась. Перед ними с проселочной гравийной дороги на шоссе вывернул трактор с прицепом. Павел не успел его обогнать и теперь вынужден был сбросить скорость. Он нервничал, но Александра вовсе не была в претензии – она жадно рассматривала пейзаж.

– Хорошо? – спросил Павел, косясь на ее довольное лицо.

– Хорошо! – подтвердила она.

– Вот и мне первые месяцы было хорошо... Это пока туристический восторг не уляжется. Потом начинаются проблемы, вопросы... И ты уже никому не интересен, как в первые дни. С новичками сперва все нянчатся, а потом их просто бросают на произвол судьбы. Мол, пора тебе уже привыкнуть, стать самостоятельным, в совершенстве знать иврит... Хлебнуть свою порцию сами понимаете чего. Диана тоже сперва восхищалась каждым кустиком и цветочком. Потом начала плакать... А потом до нее вдруг дошло, кто во всем виноват. Вообще во всем! Я, разумеется. Да сверни уже куда-нибудь! – внезапно рявкнул Павел.

Последние слова относились к трактору, который невозмутимо тархтел впереди со скоростью пятьдесят пять километров в час. Но трактор ехал с ними до самого конца – Павел сообщил Александре, что они почти прибыли на место.

– Сейчас увидите этот мегаполис, – мужчина глубоким выдохом проводил трактор, свернувший вправо перед самым въездом в Вифлеем. – Райское местечко с необычной историей.

– Много здесь народу живет?

– Ужасно много. Человек восемьсот, думаю. Любуйтесь!

* * *

Сразу за воротами начиналась аллея, обсаженная огромными старыми деревьями, переплетающими пышные кроны над узкой проезжей частью. Сперва Александра приняла их за старые дубы, потом, поближе рассмотрев листву, усомнилась в своей версии.

– Что это за деревья? – спросила она Павла.

– Дубы, наверное, – ответил он, поглядывая по сторонам. – Не похоже. Листья другие, и желудей нет. И стволы не такие. А издали – дуб, да.

– А вот видите, – он указал налево, – кафешка, называется как-то вроде «У старого дуба».

– Но дерево рядом с ним – совсем не дуб! – настаивала Александра.

– А тут все так, – загадочно ответил Павел.

– Простите, я становлюсь занудой, – рассмеялась художница. – Старость, наверное.

Машина ехала медленно – проезжую часть то и дело пересекали «лежачие полицейские». Александра могла рассматривать старые дома вдоль обочины. Это был совсем не такой Израиль, каким она себе его представляла. Двухэтажные особняки с деревянными резными балконами, синими деревянными ставнями, оконными переплетами в мелкую клетку, керамическими табличками с именами владельцев у дверей... Черепичные крыши в изумрудных бархатных покрывалах мха. Сады без оград, старые, запущенные, заросшие розовыми кустами, голубыми и белыми глициниями, многоцветной бугенвиллеей... Резкий запах навоза с фермы, скрывавшейся за домами. Теплое, протяжное мычание коров. Вдохновенное пение муэдзина из соседнего арабского села. Рыжий растрепанный петух, стоявший у обочины, дерзко рассматривал их машину, будто собираясь напасть. Маленький спаниель с шелковистыми кудрявыми ушами мирно дремал прямо поперек дороги. Павлу пришлось остановиться и посигналить, только тогда собака с неохотой встала и ушла к себе во двор.

– Здесь всего несколько улиц, нам какую? – Павел повернул к спутнице голову. – Она мне сказала адрес, но я забыл.

Александра сунула ему под нос бумаги.

– А, это где-то здесь. Дома-то без номеров, все по именам. Ищите табличку «Хофман».

– Да я же не читаю на иврите, – напомнила Александра. И тут же воскликнула, указывая направо: – Вон «Хофман», там и по-английски есть!

Павел резко затормозил. Сзади раздалось звяканье велосипедного звонка. Их обогнала девушка на спортивном велосипеде, в ярко-зеленом шлеме и обтягивающих лайковых шортах. Девушка свернула на подъездную дорожку к маленькому домику, на который указывала Александра. Остановившись у

крыльца, велосипедистка уперлась в нижнюю ступеньку загорелой мускулистой ногой, расстегнула шлем, взмахнула головой, расправляя слежавшиеся черные волосы.

– Геверет! – крикнул ей Павел, опустив стекло. – Зе бейт шель мишпах Хофман[3 - Сударыня, это дом семьи Хофман? (ивр.).]?

Велосипедистка обернулась. Александра увидела коричневое от загара, прорезанное сетью морщинок веселое лицо женщины лет шестидесяти.

– Ани Ракель Хофман[4 - Я Ракель Хофман (ивр.).], – звонко ответила она. – Говорите по-русски?

– Ой, – Александра радостно заторопилась, распахивая дверцу машины. – Как хорошо! Это я приехала из Москвы, меня зовут Александра!

Она пошла к маленькому белому дому, заранее протягивая руку для рукопожатия, потому что Ракель тоже протянула свою. Женщины поздоровались. Ладонь у Ракель была сухая, жесткая, Александра ощутила колючие мозоли у основания пальцев. Хозяйка дома улыбалась и сыпала вопросами, на которые Александра едва успевала отвечать:

– Вы уже бывали в Израиле? А, вы здесь впервые? Вам нравится? Как доехали? Где вы остановились? А, знаю, это очень хороший отель. Давайте обедать!

– Давайте, – приблизился Павел, озираясь с очень довольным видом. – Какой у вас красивый сад!

Ракель просияла еще больше и заговорила еще быстрее:

– Я все делаю сама! Эти розы есть только у меня. Мне прислали из Голландии. Я буду участвовать в конкурсе... Давайте сядем здесь!

Она провела гостей на веранду, крошечную, заставленную всякой всячиной – пустыми керамическими горшками, пластиковыми мешками с торфом и удобрениями, садовыми инструментами. В углу приткнулся стол со столешницей, облицованной кафельными треснувшими плитками. Рядом стояло

четыре пластиковых стула. Ракель торопливо обмахнула полотенцем стулья и столешницу:

– Садитесь! Я только разогрею.

Александра уселась, оглядела сад, открывавшийся за перилами. Она сидела рядом с окном, выходившим в кухню. Стол одной стороной примыкал вплотную к окну, так что блюда можно было подавать оттуда напрямую. Чем и занялась Ракель: сдвинув вбок стекло, она протянула Александре стопку тарелок:

– Держите!

Александра расставила тарелки, не переставая бросать взгляды внутрь помещения. Кухня даже при беглом осмотре ее очаровала. Побеленные стены с неровной штукатуркой. Пол, выложенный красным кирпичом, почерневшим от времени. Большая газовая плита в глубокой нише, под жестяным вытяжным колпаком. Вместо современной кухонной мебели – несколько массивных деревянных буфетов и большой разделочный стол, также стоявший вплотную к окну. На этот стол Ракель быстро ставила тарелку за тарелкой, продолжая приговаривать:

– Держите! Держите!

Александра переставляла с одного стола на другой тарелки и блюдца с закусками и приправами: горячие лепешки с семечками, салаты, соленья... Напоследок Ракель открыла духовку, замахала полотенцем, чтобы разогнать жар, и вытащила большой противень. Ухватив его полотенцем, она почти бегом бросилась на веранду и с грохотом поставила его посередине кафельного стола:

– Петушки!

На противне исходили паром два упитанных запеченных цыпленка, обложенных картофелем. Ракель еще раз метнулась на кухню и принесла бутылку белого вина, штопор и три бокала, которые с необыкновенной ловкостью зажала между пальцами одной руки.

– Хотите пива? – спросила она. И, не дожидаясь ответа, принесла из холодильника бумажную упаковку с шестью маленькими бутылками.

– Настоящий праздник! – воскликнул Павел, принимаясь открывать вино и с нежностью поглядывая на петушков.

– Я не ожидала, – проговорила Александра, оглядывая накрытый стол, на который солнце бросало яркие пятна сквозь виноград, завивший веранду до потолка. Распогодилось. О грозе напоминал только лепет бегущей воды, льющейся с деревьев при каждом дуновении ветра.

Ракель уселась и протянула Павлу свой бокал:

– Да, это праздник! Лехаим!

Вино было слабым, кисловатым, очень холодным. Александра пила маленькими глотками, Ракель тоже не торопилась. Павел осушил свой бокал в один прием и потянулся к пиву:

– Если не возражаете...

Ракель, привстав, разрезала цыплят и разложила по тарелкам жаркое. Александра почувствовала, что очень голодна. Если не считать ночного завтрака в самолете, она ничего толком не ела уже сутки. Ракель с удовольствием следила за тем, как едят гости, и непрерывно потчевала:

– Ешьте, я все делаю сама, даже хлеб!

– Потрясающе вкусно! – Павел поставил под стол вторую опустевшую бутылку из-под пива. Александра с некоторым беспокойством поглядывала на его покрасневшее лицо, прикидывая, сможет ли он сесть за руль. – Здесь просто рай, у вас в Вифлееме! Кстати, мне кто-то говорил, что ваш Вифлеем – это тот самый Вифлеем, куда Мария приехала на ослике из Назарета.

Ракель засмеялась, показав крепкие желтоватые зубы:

– Отсюда по прямой – десять километров. Можно и на ослике приехать. А до того Вифлеема, который на территориях, – это через всю страну... Я бы поехала в этот! А вообще...

Она привстала, оглядев стол, и, не спросив Александру, положила ей на тарелку большой кусок цыпленка:

– Вы должны есть! И вы ничего не пьете!

– Я ем и пью, все так вкусно, – Александра смеялась, чуть захмелев, как всегда, от половины бокала, и пыталась защитить тарелку ладонями. – Все как во сне. Цветы... Апельсины на обочинах валяются. Вы так хорошо говорите по-русски!

– Мама была из России, – пояснила Ракель. – Здесь многие говорят по-русски, а кто не говорит – тот понимает. Так что будьте осторожны!

И она с шутливым видом приложила палец к губам.

– Вы историей интересуетесь? – продолжала она. – Тут, в Вифлееме, есть постройки времен темплеров! Я вам все покажу!

– Тамплиеров? – воскликнула Александра. – Невероятно! Но ведь это было... Веке в двенадцатом?

– Нет, это не те. – Павел, заложив руки за голову, рассматривал пронизанные солнцем виноградные листья у себя над головой. – Вы, Саша, говорите о тамплиерах, бедных рыцарях Иерусалимского храма. Официально с ними было покончено еще веке в четырнадцатом, хотя популярны всякие бредовые версии, что они существуют до сих пор. Если они, бедолаги, вас интересуют, могу свозить вас в Акко. Там много чего от них осталось. А Ракель говорит о темплерах. Это немецкая лютеранская секта, они прибыли сюда в девятнадцатом веке. У них в Израиле были колонии – в Хайфе, в Иерусалиме, в Яффо. Ну и здесь, в Нижней Галилее. Вифлеем, например, это их творение.

Ракель несколько раз хлопнула в ладоши, наклонив кудрявую голову набок:

– Идите работать к нам в музей!

– Да куда мне, это почти все, что я знаю! – Павел откупорил последнюю бутылку пива. – Вот наша гостя даже представить себе не может, что здесь в тридцатых годах существовала Палестинская национал-социалистическая партия.

– Да, было такое, – кивнула хозяйка. – Потом, уже во время Второй мировой войны, немцев начали интернировать, высылать, отбирать имущество... А тут были богатые хозяйства. Такое началось! Подделка документов, фиктивные браки... Многие остались здесь, выдав себя за евреев.

И она снова рассмеялась.

– Это не так трудно, как кажется.

– Мне бы хотелось обсудить наше дело. – Александра положила вилку на край тарелки. – Я привезла картину, вы знаете...

– Да-да, в дар музею, – кивнула Ракель. – С радостью возьму. А пианино здесь!

Она махнула вглубь крошечного сада, и Александра разглядела в зарослях ежевики проржавевший железный контейнер.

– В Музей мошава его нельзя было поставить, потому что оно не имеет никакой ценности для музея. А в доме его держать было невозможно, оно все заплесневело, и запах... – Ракель поморщилась. – Туда забирались куры, от соседей, и гадили на пианино. Я все помыла, когда мне написали из Москвы, но... Запах!

Она выразительно покачала головой.

– Запах очень сильный. Мне написали из Москвы, что состояние пианино не имеет значения. Но я должна сказать... Это просто обломки. И они плохо пахнут. Пианино никогда не будет играть.

Ракель достала из кармана куртки ключ, позеленевший, золотистый на ребрах:

– Это от клавиатуры. Но он совершенно бесполезен. Когда пианино поступило к нам в музей, я его попробовала. Но оно просто шипит, как простуженная

черепаха. Хотите посмотреть?

– Да, конечно, – Александра положила салфетку на стол и встала.

Павел, оставшись за столом, открыл новую пивную бутылку. Кресло, от обивки которого остались лишь клочки поддельной белой кожи. Два деревянных ящика. Стеллаж, на котором рядами выстроились пыльные стеклянные банки. Заднюю стену проржавевшего бокса занимало старое пианино.

Это была рухлядь, в полном смысле слова, как с первого взгляда поняла Александра. Разбухшие от сырости доски, пятна плесени, глубоко въевшиеся в багровый лак, зеленая пatina на бронзовых деталях. «И вот за это... За доставку этого груза клиент готов платить три тысячи долларов!»

– Я говорила... – Ракель стояла на пороге, скрестив руки на груди. – Я ей писала... Это просто нужно выбросить. Но она хочет, чтобы я отправила это в Москву.

– Мы отправим это пианино. – Александра подошла к инструменту, коснулась надписи над клавиатурой. – Я не задаю вопросов. Итак, взамен я передаю вам картину.

– Да, да. – Ракель отстранилась, чтобы пропустить ее, и пошла к машине следом за Александрой. – Илана написала мне, что картина имеет отношение к истории мошава. Что это для нашего музея.

Александра открыла дверцу заднего сиденья, достала сверток в пузырчатой пленке. Сорвала пломбу.

– Рамки нет, она сломалась, но подрамник новый, я перетянула. Вот, это для вас.

Ракель неподвижным взглядом смотрела на картину, склонив голову набок. Она молчала. Неподалеку закричал петух, но Ракель не вздрогнула. Александра слышала ее участившееся тяжелое дыхание.

– Я узнаю эту комнату... – произнесла Ракель, не сводя взгляда с картины и прикрывая ладонью рот. – И девушку. Ох, как это было давно... Мне было десять

лет. Это дом наших знакомых, здесь, в Вифлееме. А девушка – моя старшая сестра. Ее убили. Ей было пятнадцать лет. Ее звали Анна.

Глава 3

Павел дремал, облокотившись на треснувшие плитки, покрывавшие стол. Его голова то и дело ныряла к тарелке с остатками цыпленка и кусками лепешки. Тогда он широко открывал покрасневшие глаза и бормотал, что это все виноваты бессонная ночь и пиво.

Если в бессонной ночи Александра хоть косвенно была виновата и сама, то всю упаковку пива он выпил совершенно добровольно. Ракель принесла три чашки кофе, но Павел к своей не прикоснулся. Женщины сели ближе друг к другу и заговорили вполголоса.

– Вы узнали комнату, – тихо говорила Александра, неизвестно отчего взволнованная услышанным. – Это неудивительно – столько деталей... Но как вы узнали сестру? Ведь лица девушки не видно.

– Лицо я могла и не сразу узнать, – ответила Ракель. Она, как и Павел, не притрагивалась к кофе, налив себе взамен бокал вина. Александра от вина отказалась. – Мне было десять лет, с тех пор прошла целая жизнь. Но я сразу узнала платье! Она сшила его сама.

– А пианино? Которое вы мне передаете? то самое, что на картине?

– Я не знаю, откуда оно попало к нам в музей, – покачала головой Ракель. – Просто кто-то выбрасывал старый хлам из сарая, а пианино пожалел. Привез к нам. Я на него никогда внимания не обращала.

– Моя заказчица уверена, что пианино – то самое.

– Она права, наверное, – покладисто согласилась Ракель. – Сколько таких пианино может быть в мошаве? Тут людей не так много. Интересно, кто нарисовал эту картину?

– Это я как раз знаю, – заметила Александра. – Обычно я не говорю о делах заказчика, но, сдается мне, это не тайна. Меня не просили хранить этот секрет. Автор – муж моей московской заказчицы.

– Этой Иланы? – Ракель сдвинула на переносице четко обрисованные брови. – Интересно. Получается, он бывал в том доме и знал Анну?

– Несомненно! – кивнула Александра. – Такие детали не выдумаешь, вы вот сразу узнали и комнату, и сестру. Или же... Он мог рисовать по фотографии. Но полотно старое. Я сужу по состоянию холста и красок. Ему вполне может быть около шестидесяти лет.

– А как его зовут? – Ракель жадно рассматривала картину, которую поставила рядом с собой на свободный стул.

Поколебавшись – художница нарушала все свои принципы относительно тайны заказа, – Александра ответила:

– Генрих. А судя по тому, что у его жены фамилия – Магр, то Генрих Магр.

– Не помню ни одного Генриха среди знакомых Анны. – Ракель не сводила взгляда с картины, словно завожившей ее. – И фамилию слышу впервые.

– Илана упомянула, что она родилась в Вифлееме.

Ракель задумчиво сделала глоток вина. Ее глаза затуманились, она вновь переживала прошлое, глядя на картину.

– Илана – имя популярное. Может, у сестры была знакомая Илана... Когда тебе десять, а сестре пятнадцать, это два разных мира... Когда Анна пропала, я это очень хорошо поняла. Меня расспрашивали больше всех, думали, что сестра должна все знать. А я не могла ответить на каждый второй вопрос.

– Вы сказали... – нерешительно произнесла Александра. – Извините, если причиняю вам боль, но... Вы сказали, что вашу сестру убили?

– Я вам расскажу, – ответила Ракель.

В этот момент Павел издал легкий мелодичный храп. Очнувшись, изумленно огляделся, словно не понимая, где находится.

– В кухне стоит диван, – Ракель махнула в сторону открытой двери. – Там есть подушка.

– Спасибо огромное, – пробормотал мужчина, растер ладонями лицо и, слегка пошатываясь, словно все еще во сне, направился в кухню. Оттуда донесся скрип разошедшейся мебели, на которую грузно осело тело.

– Я все вам расскажу, – повторила Ракель. – Я это рассказывала много раз, когда пропала Анна. Очень давно...

* * *

Рассказывая, она смотрела не на гостью, а на картину, и говорила словно со своим прошлым, почти забытым и внезапно ворвавшимся в ее жизнь.

– Мы с сестрой не отсюда, мы родились в Хайфе. Отец работал в порту, мама ходила убирать квартиры. Квартира была крошечная, вся в плесени, в Бат-Галим, у самого моря. Жили бедно, но после войны многие так жили. Однажды отец управлял неисправным подъемником, груз сорвался и ранил его. Он умер там же, на месте. Его не решились вытащить из-под контейнера. Мама уже тогда болела. К врачам она не обращалась, бегала по уборкам, зарабатывала деньги. Потом у нее вдруг отказали почки. Через неделю мы остались одни. На похороны приехал мамин брат, из Вифлеема. Мы никогда его не видели раньше, он не ладил с нашим отцом, как сказала однажды мама. Он забрал нас с сестрой сюда.

Ракель говорила монотонно и как будто равнодушно, но именно это скованное звучание голоса, прежде веселого и оживленного, яснее всего свидетельствовало о боли.

– Детей у дяди с тетей не было. Жили они хорошо – это всегда был богатый мошав. Мне было пять лет, сестре – десять. Для нас началась новая жизнь. Тетя

красиво одевала нас, причесывала, брала с собой в гости, покупала подарки. Один раз сестра сказала, что она играет с нами, как с куклами. Я этого не поняла. Теперь понимаю. Ей было приятно везде показывать двух сирот, которых они так балуют, она любила слушать, когда ей говорили, что они с дядей сделали святое дело. В гостях она целовала нас. Дома – никогда. А дядя нас просто не замечал.

Загорелые пальцы Ракель скребли край стола, словно пытаюсь ухватить что-то невидимое. Она не сводила глаз с картины.

– Тетя умерла, когда Анне было двенадцать, а мне семь лет. Тогда мы по-настоящему остались одни. Мы не любили тетю, потому что она не любила нас. Но дядя был совсем как чужой, хотя он кровный родственник. Он начал на нас экономить. Тетя покупала нам ткань на платья и отдавала шить портнихе. Дядя велел Анне научиться шить самой. Через год она могла сшить что угодно, и себе и мне. Со стороны было ничего не заметно, все жалели дядю. А мы за столом боялись взять лишний кусок хлеба. Он ничего не говорил, но смотрел, как мы едим, и это было очень...

Голос внезапно сел, словно кто-то схватил Ракель за горло. Александра слушала, затаив дыхание. Она сама не понимала, отчего эта простая история так захватывает ее.

– Анна мечтала играть на рояле. Дядя согласился, чтобы она училась музыке, только потому, что уроки были бесплатные. Анну учила старушка, соседка. Эта семья переехала в наш мошав из Иерусалима, и пианино они привезли с собой. Многие люди тут впервые увидели пианино. Вот, на картине и нарисована та самая комната, где они занимались. Учительница считала, что у Анны есть талант. Дядя, наверное, не согласился бы на эти занятия, но он очень любил все бесплатное.

Губы женщины презрительно скривились.

– Конечно, сам он пианино покупать не собирался. Чтобы заниматься дома, Анна нарисовала на доске клавиатуру и часами сидела перед ней, выстукивала музыку. И каждую свободную минуту бегала к учительнице. Та записала ее на конкурс молодых музыкантов-любителей в Хайфе. Это было в шестьдесят третьем году. В том году Анна и пропала...

Пауза. Солнце опускалось за гряды Кармель, запутавшись в уходящих к морю тучах. Между розовых кустов показался тощий рыжий кот с острой мордочкой. Он вопросительно смотрел на Ракель, как будто тоже слушал.

– Анна выиграла конкурс! Это было невероятно. Мы все так ею гордились, весь мошав! Про нее написали в журнале «Давар а-Шавуа»[5 - «Давар а-Шавуа» («Слово недели») – независимый еженедельник, вестник культуры, начал выходить в 1961 г.]. Такая хорошая заметка, с фотографией за роялем! Мы читали всей школой, да что там – всем мошавом! А дядя... Он совсем не радовался. И один раз даже пытался разорвать журнал, но Анна спрятала его. Дядя сказал, что все эти глупости ему надоели. Что мы с Анной не миллионеры и едим его хлеб. И что он не позволит ей больше заниматься музыкой. Что она будет шить на заказ.

В соседнем саду, отделенном живой изгородью, показались люди. Они разжигали мангал, смеялись, и Александра, сидевшая к ним лицом, то и дело ловила на себе любопытные взгляды. Было ясно, что чужаки здесь – редкость.

– Анна отвечала ему очень смело. Впервые она решилась... Сказала, что станет пианисткой и знает, куда ей идти.

Он... Ударил ее по лицу. Проклятый!

Над изгородью показался дымок, запахло шашлыком. Павел в кухне заворочался на диване, словно его будил запах.

– На другое утро мой класс отправился в поход с ночевкой, – продолжала Ракель. – Мы должны были идти весь день, осматривать кибуцы, коровники, фабрику оливкового масла. Потом стреляли из лука. Ночевали в разрушенной школе, спали в мешках на полу. Утром пошли обратно другой дорогой. Я вернулась домой только к десяти вечера. Еле дотащила рюкзак. Меня сразу удивило, что все окна в доме темные. А когда вошла и включила свет, сразу увидела дядю. Он лежал на полу, в луже крови. Мертвый.

Александра была готова поклясться – в голосе рассказчицы прозвучало удовлетворение.

– Все было перевернуто, разбросано по всему дому. Анны нигде не было. Поднялась тревога, приехала полиция. Дядю убили сзади, ударом топора в голову. А куда делась сестра, было непонятно. Обыскали все дома, все сараи. Начали обыскивать соседние кибуцы. Ее вещи остались на месте. Никто из соседей ничего не слышал и не видел. Посторонние в мошав не въезжали. Здесь один въезд, и там сидел сторож. Правда, кто-то мог появиться со стороны полей... Там дальше – арабская деревня.

– Так может быть... – вырвалось у Александры. Она осеклась, испугавшись тех слов, что просились на язык. Ракель ответила ей жестким взглядом. Помолчав, женщина произнесла:

– Нет, Анна не убивала. Она бы не сделала этого, она бы просто сбежала. Ее саму убили.

– Ее... нашли?

Ракель вонзила пальцы в волосы с такой силой, словно хотела вырвать прядь:

– Да, через год. В пяти километрах отсюда. И что странно... Я надеялась, что она все-таки сбежала, и тогда она должна была двигаться в сторону Хайфы, чтобы сесть на поезд или автобус и уехать в центр. А она, наоборот, направилась вглубь долины. Тело нашли в канаве между кукурузными полями. Ее закопали рядом с канавой, а когда пошли сильные ливни, могилу смыло, и тело упало в воду. Я...

Ее голос вновь пресекся. Ракель сделала усилие, чтобы продолжать.

– Я ее опознала. Я узнала платье.

– Вот это? – Александра взглянула на картину.

– Другое... Красное, в белых цветах. Я и сейчас помню все ее платье. Я помогала ей шить... А вот лицо почти забыла... Когда хочу вспомнить, вижу то, что мне показали в морге. Лицо обглодали полевые крысы.

И словно проснувшись, женщина взглянула на Александру и добавила уже другим, более твердым голосом:

– А знаете, что странно? Когда объявили розыск, нужна была фотография Анны. Так вот, ни одной фотографии в доме не нашли. Все пропало. Словно кто-то хотел стереть даже память о ней. У ее учительницы музыки нашлась фотография, где они снялись вместе, после конкурса, по ней и искали. Фотография была плохого качества... Лицо трудно разглядеть.

– А журнал? – спросила Александра. – Ведь был еще журнал с фотографией вашей сестры?

– Полиция взяла ту фотографию, которая была у учительницы. Про журнал вспомнили, но тот, который был у нас, пропал. Это был единственный журнал на весь мошав, а искать в библиотеке в Хайфе не было времени. Полицейские сказали, что не нужно, раз одну фотографию уже нашли.

– Значит, и журнал пропал... – медленно проговорила Александра. – Значит, похититель знал, что там есть фотография Анны.

– Получается, что знал, – кивнула Ракель. – Хотя Анна сама его несколько раз перепрыгивала, от дяди. Пока журнал не исчез окончательно.

– Вашего дядю ограбили?

Ракель несколько раз кивнула, и снова на ее лице мелькнула тень злорадства:

– Да, все забрали. Он не доверял банкам и хранил деньги в тайнике. Тайник нашли и вскрыли. Там должна была быть большая сумма. Мы с Анной не знали, сколько в точности. Зато знали, где тайник. Дядя разводил кур. Мы должны были чистить сарай, где они жили, кормить их. Яйца он собирал сам, никому не доверял. И не разрешал нам с ним ходить туда, когда он собирает яйца. Один раз мы за ним подсмотрели. Он сидел в углу курятника и закапывал что-то в землю. Потом поставил сверху корзину, где курица сидела на яйцах. Вид у него был такой, будто он что-то украл. Так вот, после убийства на этом месте нашли свежую землю и яму, а в яме – пустую железную коробку. Из-под английских конфет.

И, внезапно поднявшись со стула, Ракель закончила:

– Деньги полиция не нашла. И сестру не нашла. Ее нашел тракторист. Знаете, я бы очень хотела поговорить с этим Генрихом... Как его фамилия?

– Магр. – Александра тоже встала. – Я вам скажу только одно: он был очень против того, чтобы картина отправилась в Израиль. Но его жена сказала, что картина принадлежит ей и чтобы я его не слушала.

– Да? – Ракель сощурилась, внимательно глядя в лицо собеседнице. – Значит, он чего-то боится?

– Все может быть, – сдержанно подтвердила Александра.

– А жена его немного странная, – подумав несколько секунд, добавила Ракель. – У нашего музея есть сайт, один мальчик недавно сделал. Там можно делать пожертвования, писать отзывы... И там есть мой мейл. Она написала мне письмо, сообщила, что обладает картиной, имеющей отношение к истории мошава, и хочет подарить ее музею. Я, конечно, ответила, что мы будем очень рады. Она задала вопрос – а нет ли в музее старого пианино? Я ответила, что есть. Илана предложила купить пианино. Я написала, что буду рада отдать его даром. Предложила позвонить по ватсапу, так быстрее договоримся. Так вот, она отказалась. Написала, что не любит говорить по телефону.

Ракель пожала плечами, словно удивляясь собственным словам:

– Она не писала мне, что родилась здесь. Интересно было бы узнать, из какой она семьи... Не помню никаких Магров. А ведь ее муж точно знал мою сестру и бывал у ее учительницы. Как же это было давно! Пятьдесят семь лет назад.

Александра как наяву увидела перед собой гостиную Иланы, ее загадочный кошачий взгляд, слышала ее голос. «Я не бывала в Израиле пятьдесят семь лет».

– Значит, не осталось ни одной фотографии Анны? – спросила она. – А та, где она с учительницей?

– Не знаю, где та фотография, – покачала головой Ракель. – Может быть, осталась в полиции. Или они вернули ее учительнице. Эта семья в том же году уехала куда-то в центр, в доме давно живут другие люди. А журнал... Тогда мне было не до библиотек, я осталась одна, меня отправили в пнимию. Это интернат, там живут и учатся. Потом армия... Все стало забываться понемногу. Ну, – неожиданно закончила она, – давайте будить вашего друга.

Павел уже сидел на диване и крутил головой, прогоняя остатки сна. Залпом выпил остывший кофе и галантно поблагодарил Ракель:

– Спасибо огромное! Как хорошо у вас спится, а в Хайфе я совсем не могу уснуть!

– Переезжайте к нам жить, – просто ответила женщина.

Павел неискренне засмеялся:

– Не по карману! У вас тут такие цены! Ну что ж, завтра утром я пришлю грузовик за пианино. А кстати, можно мне на него посмотреть?

Ракель отвела гостей к контейнеру, вновь сдвинула засов. Александра, пользуясь телефоном, как фонариком, осветила пианино, стоявшее у дальней стенки. Павел выразительно откашлялся и проговорил:

– Античная вещь.

– Завтра я буду вас ждать. – Ракель тоже рассматривала пианино, словно видела его впервые. – Да, это оно. Пианино из Иерусалима. Другого в мошаве просто не было.

* * *

В Хайфу возвращались, когда уже стемнело. Ночь наступила сразу, черная, наполненная огнями. Александра глядела в окно и была так молчалива, что Павел забеспокоился:

– Все в порядке?

– Да-да, – очнулась она от своих мыслей. – Просто Ракель рассказала странную историю.

– Поделитесь со мной, – попросил он. – Все не так скучно будет за рулем.

– Это их семейная история, – уклончиво ответила художница. – Очень давняя. Тогда ни меня, ни вас еще на свете не было.

– Но вы из-за нее расстроились, я же вижу.

– Просто задумалась. Это настоящий детектив, если хотите.

Павел запрокинул голову и коротко хохотнул:

– Детектив в мошаве! Вот в Хайфе – чего только не бывает, я мог бы вам порассказать... Слушайте, завтра с утра я поеду в порт договариваться о грузовике и контейнере. Вам бы лучше поехать со мной. Стоимость будет от многого зависеть – от срока доставки, например.

– Конечно, я поеду! Вы только разбудите меня.

– И все-таки не понимаю, зачем тащить в такую даль эту рухлядь, – продолжал Павел. – Неужели у людей столько лишних денег? Это что, их фамильная реликвия?

Александра не ответила.

– Тайна! – иронично произнес Павел, обращаясь, по всей видимости, к красным габаритным огням идущей впереди машины. – Я тоже когда-то хранил тайны своих клиентов. Пока один из них не подставил меня так, что пришлось брать кредит, чтобы не проститься с жизнью. Можете себе представить: дал мне на оценку и продажу заведомо фальшивую вещь. Несессер якобы середины девятнадцатого века, двенадцать туалетных принадлежностей, слоновая кость, серебро, перегородчатая эмаль... Роскошная вещь в отличной сохранности. Я ухватился. И сразу нашелся клиент, очень солидный человек.

Последние слова Павел произнес уныло.

– Он хотел купить немедленно. Мне срочно нужны были мои комиссионные. Я торопился и решил обойтись без независимой экспертизы. Я ведь и сам в этом разбираюсь. Сделка состоялась. Через неделю ко мне в квартиру вломились две гориллы – охранники этого покупателя. Поволокли к нему на расправу. Эта французская вещь оказалась чистым материковым Китаем. Вчерашнего производства. Нет, серебро было серебром, эмаль – эмалью, а не лакированной краской. Кость, правда, не слоновая, но кость. Яка, что ли. Бить они меня не били, правда. Пообещали просто убить. Мужик, который всучил мне несессер, от всего отрекся. Мне нужно было вернуть клиенту деньги и оплатить моральный ущерб. Это было начало конца. Диана думала, что вышла замуж за удачливого коммерсанта. И тут вот это все.

Павел помотал головой, словно вдруг получил невидимую пощечину.

– После этого моя репутация испортилась. Мне перестали доверять хорошие сделки. Пришлось заниматься мелочами, кланчить заказы. Улыбаться, делать вид, что дела идут превосходно. Тогда у меня появились мысли, что нужно все полностью изменить. Уехать в Израиль, начать сначала. Но здешней реальности я не знал. Тут таких умных и предприимчивых, как я, – пруд пруди. В основном занимаются тем, что пытаются залезть друг к другу в карман. А такие вещи я всегда просекаю слишком поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Notes

Мошав – вид сельских населенных пунктов в Израиле, представляющих собой сельскохозяйственную общину, действующую на кооперативных началах.

2

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Илана Магр.
Британский гражданин (англ.).

3

Сударыня, это дом семьи Хофман? (ивр.).

4

Я Ракель Хофман (ивр.).

5

«Давар а-Шавуа» («Слово недели») – независимый еженедельник, вестник культуры, начал выходить в 1961 г.

Купить: https://telnovel.com/malysheva_anna/pianino-iz-ierusalima

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)